

Romantic Fantasy

ФИЛИППА ГРЕГОРИ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES №1



ДОРОГАМИ
ТЬМЫ

Орден Тьмы

Филиппа Грегори

Дорогами тьмы

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Грегори Ф.

Дорогами тьмы / Ф. Грегори — «Эксмо», 2012 — (Орден Тьмы)

ISBN 978-5-04-098565-4

Австрия, 1461 год. Города вдоль Дуная спонтанно захватывает плясовая чума. Что это — болезнь, помешательство или одержимость? Герои Грегори — член секретного Ордена Тьмы Лука Веро, слуга Фрейзе, священник Пьетро, знатная леди Изольда Лукретили и ее компаньонка Ишрак — не знают ответа. Но готовы рискнуть и кружиться в вихре безумного танца, продолжив исследовать ереси мира и знаки его неминуемого конца.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-098565-4

© Грегори Ф., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Неподалеку от Линца, Австрия, март 1461 г.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Филиппа Грегори Дорогами тьмы

Неподалеку от Линца, Австрия, март 1461 г.

Злое рычание раздалось из лачуги дровосека. Женщина, с трудом поднимаясь на холм с двумя полными ведрами ледяной воды, набранной в ручье, вскинула голову и закричала в ответ. Этого было достаточно, чтобы привести дровосека в ярость: не успела она опустить ведро с плещущейся через край водой на грязную дорогу перед кособокой хижинкой, как грубо обтесанная деревянная дверь с грохотом распахнулась, и он вылетел наружу – в грязной рубахе нараспашку и в мешковатых штанах. Схватив ее за руку и удерживая таким образом, он с силой ударил ее по лицу. Она качнулась, но, стиснув зубы и преодолевая боль, стояла перед ним, свесив голову, как покорный, привыкший к побоям бык.

Он склонился над ней и заорал, брызжа слюной в ее безучастное лицо. Затем отпустил ее и в сердцах пнул ведро, опрокинув их прямо в грязь, – значит, ей снова придется идти к ручью, снова набирать воду. Он засмеялся, словно бессмысленность ее труда была единственной радостью в этом жестоком и подлом мире. Но вот он взглянул на нее, и смех застыл на губах.

Она не прижимала к ударенной щеке холодную ладонь, не всхлипывала, вжимая голову в плечи. Она не отшатнулась от него, не кинулась поднимать пустые, катящиеся по земле ведра. Нет, она раскинула руки и стала щелкать пальцами, словно в такт неведомому, одной лишь ей слышимому ритму.

– Что ты делаешь? – потребовал он ответа. – Женщина! Ты рехнулась? Что, по-твоему, ты делаешь?

Она закрыла глаза и будто бы отрешилась от этого мира; казалось, она вдыхала запахи гладкого деревянного настила и свежевыбеленных стен, воска горящих свечей и чисто выметенного амбара, подготовленного к танцам в Иванов день. Ее голова была приподнята, будто она слышала звуки тамбурина и волнующей скрипки, которой невозможно не подчиниться. На глазах у ошеломленного дровосека она приподняла сношенный до лохмотьев подол платья и, придерживая его, пустилась в пляс – прекрасная, как юная девица.

– Я тебе потанцую!

Он ринулся к ней, но она не испугалась его. Три шага влево, прыжок, три шага вправо, обернулась вокруг себя – так, будто ее закрутил внимательный партнер. Не обращая внимания на ледяную грязь у себя под ногами, она кружила под восхищенными взглядами незримых поклонников, поднимая к кронам голых деревьев и холодному небу ничего не видящие глаза.

Дровосек схватил ее за плечи и почувствовал, как она подалась к нему, как бы приглашая на танец. Он потащил ее в дом, но она, провальсировав к отворенной настежь двери, отвесила поклон грязной хижинке и покружила назад, во двор. Он занес было кулак, чтобы свалить ее с ног, но что-то – то ли ее улыбка, то ли умиротворенное выражение лица – остановило его. Внезапно обессиленный, он опустил руку.

– Ты сошла с ума, – заворуженно произнес он. – Ты всегда была не от мира сего, но вот ты совершенно свихнулась и теперь накличешь беду на всех нас.

* * *

Странник в рясе с капюшоном на усталом коне въехал на постоялый двор в городе Лицене, бросил поводья мальчишке, примчавшемуся на его пронзительный свист, и, тяжело вздохнув, спешился.

– Лука Веро здесь остановился? – спросил он, задобрив парнишку монеткой. – И клирик?

– А кому до этого есть дело? – послышался из темноты конюшни монотонный голос, дверца стойла приотворилась, и в проеме возник высокий, широколицый улыбающийся юноша лет двадцати. Подошедший сзади конь положил морду на плечо молодого человека, словно и ему не терпелось узнать, кто тут интересуется Лукой Веро.

– У меня к нему послание от милорда, – коротко ответил мужчина. – А ты, полагаю, Фрейзе – слуга Луки?

Слегка удивленный, что вестнику милорда известно его имя, Фрейзе поклонился:

– Я самый. А это мой конь Руфино.

Конь, казалось, учтиво мотнул головой, с вежливым любопытством продолжая глядеть на странника.

– А ты кто такой? – поинтересовался Фрейзе.

– Я брат Иероним, – ответил незнакомец. Затем он обратился к мальчишке-конюшему:

– Проследи, чтобы мою седельную сумку отнесли в дом. Мне нужна самая лучшая комната, которая у вас есть. Я буду спать один.

– Свободных комнат тут пруд пруди, – охотно встрял в разговор Фрейзе. – Есть где вернуться человеку, желающему поспать в одиночестве, если, конечно же, человек может себе это позволить, потому как, допустим, платит не из своего кармана. Кстати, кормят тут – пальчики оближешь. Одни кнедлики чего стоят – блаженство. Пробовал когда-нибудь? Съел два – и до вечера сыт. Съел три – и необходимо вздремнуть. Сомневаюсь, что кто-нибудь сможет осилить четыре. И обязательно нужно попробовать рагу из цыпленка... Ради него одного стоит потрястись в седле от самого Рима.

Сдержанная улыбка скользнула по губам мужчины.

– Я здесь не ради цыплят. И не ради кнедликов.

– Но из Рима? – уточнил Фрейзе.

Брат Иероним улыбнулся, подтверждая догадку Фрейзе.

– Ты проделал долгий путь, чтобы презирать удовольствия, – не смутившись, трещал Фрейзе. – Полагаю, тебе неплохо за это платят и ты тот самый посланник, которого мы здесь ждем?

– Верно. Я приехал, чтобы встретиться с твоим хозяином, Лукой Веро. Я имею честь состоять в том же Ордене, что и он.

– И выполнять такую же работу? – Фрейзе на прощание нежно потрепал коня за ухо, вышел из конюшни и аккуратно задвинул засов на двери. – Еще один расследователь? Ты тоже поклялся колесить по всему свету от одного жуткого места к другому в поисках знамений грядущего конца света и краха нашего мира, решать, если придется, судьбы несчастных дураleeв, до смерти напуганных собственной тенью, и докладывать об этом милорду?

Приезжий кивнул в ответ на столь неблагоприятное описание работы.

– Я член Ордена Тьмы, моя задача – исследовать наступившие темные времена, – сказал он. – С тех пор как пал Константинополь, дьявол вырвался на свободу и шествует по земле. Куда бы я ни шел – везде я встречаю злодеяния, творимые им. Куда бы я ни шел – обо всем докладываю милорду, а он – самому папе римскому. Загадочные события происходят все чаще и чаще в наши дни, и в этом нет никаких сомнений.

– Так ведь и я о том же! – воскликнул Фрейзе, обрадованный тем, что наконец-то нашел единомышленника. – Знал бы ты, чего я только не натерпелся в Венеции! Алхимики, деньги, текущие рекой, обрушение рынка золотых ноблей – мы не смогли выкупить отца Луки из рабства, странные люди, необъяснимая погода, диковинные звери. А сейчас нас вообще преследует – клянусь, идет за нами по пятам – какое-то Существо. Маленькое, невидимое, если смотреть на него в упор, но периферийным зрением заметить можно: седлаю я коня, накидываю уздечку, вижу краем глаза: мелькает что-то и – шмыг! – прячется в яслях. Ничего не ест, нико-

гда не спит; головой ручаюсь – оно вообще не из нашего мира. Но что оно такое, что это за кроха? И тогда я говорю своему другу и хозяину: давай вернемся домой и будем наблюдать за событиями оттуда! Столько несообразных людей населяют эту землю, столько необъяснимого случается денно и ночью, что нет совершенно никакой необходимости отправляться на их поиски. Пусть необъяснимое приходит к нам! Одному Богу известно, как много дурного и непознанного происходит в нашем опасном мире, – не хватало еще нам рыскать по свету, нарываясь на неприятности!

Пройдя под сводчатыми воротами, они уже собирались зайти в гостиницу, когда брат Иероним возразил Фрейзе:

– У твоего хозяина нет выбора, он обязан изучать все, что происходит в нашем мире, так как он расследователь Ордена Тьмы. Это его долг, его обязанность – встречаться с опасностью или тайной лицом к лицу и познавать их.

– Но в чем смысл всего этого? – Фрейзе был непреклонен. – Какая судьба у его отчетов?

– Разумеется, милорд внимательно читает их. Глава нашего Ордена читает все, что мы ему отправляем. Если дело важное и срочное, он немедленно посылает отчет папе римскому, и Его Святейшество самолично знакомится с донесением. Затем они сопоставляют отчеты твоего друга с отчетами других расследователей, изучающих знамения, и приходят к пониманию...

– Вот именно! – воскликнул Фрейзе, в сердцах толкая гостиничную дверь. – К какому пониманию? К пониманию того, что десятки, а то и сотни зловещих событий происходят повсеместно, а мы, бедняги, мечемся в погоне за кошмарами, чтобы ничего не упустить из виду? Можно подумать, кому-то страсть как охота поглазеть на них. Можно подумать, кто-то, будь он в здравом уме, не бежал бы без оглядки подальше от всего этого!

– ...Сопоставив все отчеты, они приходят к пониманию того, что происходящие события относятся к признакам конца света. И что настали последние времена.

Фрейзе заколебался.

– Ты тоже так думаешь? – робко спросил он, надеясь услышать «нет». – Полагаешь, они уже настали? Последние времена?

– Вне всякого сомнения... Да поможет нам Бог. Все началось с падения Константинополя – неверные оттоманы осквернили алтарь православной церкви, и теперь никто не может поручиться за наши жизни. Ибо, если доберутся они и до алтаря римско-католической церкви в Риме, резиденции папы, для нас все будет кончено. Твой хозяин, и я, и все, кто служит милорду, ищут ответ на вопрос: когда тьма падет на землю? Нет больше никаких «если», речь лишь о том, сколько нам еще осталось. Когда все произойдет? Может быть, завтра?

Взглянув на посеревшее от страха лицо Фрейзе, он промолвил:

– Молись. Возможно, все произойдет уже сегодня ночью.

– Чудный гость с чудесными новостями, – хмуро объявил Фрейзе о прибытии брата Иеронима своим спутникам – Изольде и ее подруге Ишрак.

Девушки, одна – златокудрая и светлокочая, как англичанка, другая – смуглая, как испанка, улыбнулись.

– Вот идет новый расследователь! – мрачно возвестил Фрейзе. – Как и было обещано нам, явился он нежданно-негаданно, свалился, как снег на голову, и намеревается возложить на нас очередную миссию и предостеречь от козней дьявола, разгуливающего на воле. Вот уж нагнал страху. А у меня и без того поджилки трясутся.

– Бедненький Фрейзе, – насмешница Ишрак порывисто обняла его, ненадолго задержав голову на его могучем плече. Любуясь ее гладкими смолаными волосами, небрежно откинутым на спину хиджабом, изогнутыми бровями, линией скул цвета оливы, он крепко прижал ее к себе.

– Утешение мое, – выдохнул он. – Что ж, я хотя бы умру в обществе прекрасной девушки. Он перевел взгляд на белокурую Изольду, поклонился и спешно поправился:

– Двух прекрасных девушек.

– Гляди веселей, – приободрила его Изольда. – Уверена, до конца света ты еще успеешь всласть отобедать.

– Несравненными кнедликами, – вставила Ишрак.

– Это, конечно, так, но ведь он непременно куда-нибудь нас снова пошлет, – жаловался Фрейзе. – В какое-нибудь ледящее душу место, ведущее напрямик в ад, чтобы разведать, что там да как. А я не желаю никуда ехать. Я сыт путешествиями по горло. Я хочу домой.

Изольда, сидевшая в кресле возле окна, вздохнула.

– У тебя хотя бы есть дом, куда можно вернуться. Я же, если сын моего крестного отца не соберет армию и не победит моего брата, никогда больше не увижу ни своего замка, ни своих земель. Мой путь лежит на восток, и если вас тоже направят туда, я поеду с вами. В противном случае нам придется расстаться.

– Я не расстанусь с тобой. Куда бы ни забросила тебя судьба, – напомнила Ишрак, подруга Изольды со времен детства.

– Этот расследователь ничего мне толком не сказал, – посетовал Фрейзе. – Только то, что ему необходимо встретиться с Лукой.

– Так сойдем вниз и сами все выясним, – предложила Ишрак.

– Но должны ли нас видеть? – засомневалась Изольда. – Возможно, Лука хотел бы умолчать о том, что мы странствуем вместе.

– Да об этом уже всякая собака знает, – беспечно махнул рукой Фрейзе. – С тех самых пор, как мы по просьбе милорда выдавали себя в Венеции за благородное семейство, всем и каждому известно, что Луку сопровождают знатная леди с подругой. Как только брат Иероним увидел меня, он тут же обратился ко мне по имени. Уверю вас, молва разнесла по всему Риму рассказы о вас двоих и Луке, обо мне и нашем писаре, брате Пьетро. Ишрак права, надо выяснить, сможем ли остаться вместе. Давайте разведем.

Когда благородная леди Изольда из Лукретили в сопровождении друзей величественно вошла в обеденную залу, Лука и брат Пьетро сидели за столом и беседовали с посланником.

– Вы позволите к вам присоединиться? – Изольда учтиво обратилась к Луке. – Нам не терпится узнать, каковы цель и место назначения вашей новой миссии и сможем ли мы и впредь путешествовать вместе.

Лука поспешно вскочил со стула, сияя теплой, ласковой улыбкой.

– Разумеется, – воскликнул он. – Прошу, ваша милость, садитесь – вот мой стул.

Он обернулся к посланнику Ордена:

– Это госпожа Изольда из Лукретили. Милорд рассказал, что мы путешествуем вместе?

– Он сказал, что у вас есть спутники, – ответил брат Иероним, поднимаясь и кланяясь, – однако я и не подозревал...

Он осекся и, ошеломленный, уставился на невероятно красивую девушку, излучавшую силу и уверенность; задержался взглядом на остроконечном головном уборе, возвышающемся на венцом уложенных вокруг головы тяжелых косах, на волшебном, последней моды платье иссиня-черного бархата, на рукавах с разрезами, выставляющими напоказ светло-бирюзовую нижнюю сорочку.

Из-за спины Изольды выглянула Ишрак.

– Моя подруга и спутница Ишрак.

Вестник милорда отшатнулся назад и осенил себя крестным знаменем: никогда прежде не встречал он подобных юных дев. Он таранился на ее ореховую, идеально гладкую кожу, на темные, подведенные сурьмой глаза, на волосы цвета воронова крыла, на ярко-синий, почти фиолетовый платок, плотно закрывающий голову. Но больше всего его поразили туника напо-

добие той, которые носят арабские женщины, и широкие шаровары, стянутые ремешками на изящных щиколотках для удобства верховой езды.

– Неверная? – вскричал он и осуждающе взглянул на Луку. – Тебя сопровождает мусульманка?

– Ишрак – верный друг и незаменимый помощник, – начал защищать ее Лука, но Ишрак лишь рассмеялась в лицо приезжего, слегка обнажив великолепные белые зубы.

– Не бойся, исследователь, я не причиню тебе вреда. И креститься при виде меня вовсе необязательно. Я воспитывалась в доме христианина, великого лорда, участника крестовых походов, и теперь служу его дочери, леди из Лукретили.

Ишрак кивком указала на Изольду, которая, сверля обидчика вызывающим взглядом, шагнула вперед и встала плечом к плечу с подругой.

– С детства я живу среди христиан, но моя матушка была мусульманкой, и я горжусь, что во мне течет ее кровь.

– Даже если так... – пробормотал брат Иероним, все еще не оправившийся от потрясения.

– Мне довелось встречаться с милордом, и не могу сказать, что я от него в восторге, – продолжала юная арабка, ничуть не смущаясь тем, какое смятение ее дерзкие речи вызывают у посланника ордена. – Тебе довелось встретиться со мной, и, как понимаю, ты не в восторге от меня. Получается, мы квиты. Однако хочу тебе напомнить, что мой народ властвует над половиной христианского мира и не остановится, пока не овладеет оставшейся частью, так что на твоём месте я бы предпочла видеть во мне союзницу, а не врага. В качестве врагов мы, знаешь ли, довольно опасны. В любом случае я бы воздержалась от оскорблений.

– Успех оттоманов – великое бедствие, явное знамение конца света, – возмутился он. – Падение святого града Константинополя – трагедия, знак неминуемой гибели мира.

– Только для тебя, – бросила Ишрак. – С точки зрения оттоманов, все очень даже хорошо. Не то чтобы я их поддерживала. Но я уверена, что человек, посвящающий свою жизнь поискам истины, должен учитывать, что у любой медали всегда есть две стороны.

Повисла гробовая тишина. Лука и Изольда старательно избегали смотреть друг на друга, чтобы не расхохотаться – очень уж уморительно выглядел сбитый с толку, огорошенный исследователь.

Брат Пьетро, клирик, негромко кашлянул.

– Поначалу, когда две эти дамы присоединились к нам, я тоже чувствовал себя не в своей тарелке, – признался он. – Мы повстречали их после нашего первого расследования, в пути, и больше не расставались. Вообще-то я избегаю общества женщин, любых женщин, но с тех пор, как наши дороги пересеклись, даже я, монах, посвятивший жизнь свою Ордену и давший обет безбрачия, должен признать, что наши спутницы – девушки необыкновенные: они бесстрашны перед лицом опасности и незаменимы в нашей работе. Движимые личными мотивами, они направляются на восток, и, по приказу милорда, мы должны сопровождать их, пока судьба не разлучит нас. Когда это случится, мне будет очень грустно с ними прощаться. Возможно, нам суждено расстаться уже завтра?

Короткие взгляды, которыми обменялись Лука и Изольда, красноречиво свидетельствовали о том, что эти двое предпочли бы и дальше путешествовать вместе. Ишрак улыбнулась брату Пьетро.

– Надеюсь, нет, – сказала она. – Я многому научилась у тебя, брат. А ты что скажешь, Лука?

В ее глазах, когда она обернулась к Луке, поблескивали озорные искорки.

– Ты, юный монах, давший обет безбрачия, предпочтешь ли ты расстаться с нами или, наравне с братом Пьетро, преисполнишься тоски из-за грозящей нам разлуки?

– Я пока только послушник, – со сдержанным достоинством отозвался Лука. – И тебе это известно. Я еще не связан клятвами. Но если бы не вы, я бы не смог довершить расследование. И мне вовек не отблагодарить вас за ваши благодеяния.

– Если милорд не возражает против вашего совместного путешествия, кто я такой, чтобы чинить вам препятствия, – поспешно заверил их посланник Ордена.

– Вне зависимости суждений тебе явно не откажешь, – насмешливо заметила Ишрак.

– Ну а нашего главного фактотума Фрейзе ты уже знаешь. – Изольда указала на молодого человека, протиснувшегося в щель приотворенной двери, за которой он подслушивал весь разговор.

– Главного...?

Изольда ободряюще кивнула.

– Именно так его должно теперь называть, – сказала она твердо. – Мы невероятно ценим его и воздаем ему по заслугам.

– Не просто слуга, – подчеркнул Фрейзе. – Без меня они как без рук.

– Да, компания у нас разношерстная, – согласился брат Пьетро. – Но чего мы только не пережили вместе! Милорд доволен нашими отчетами и однажды, во время нашего расследования, удостоил нас своим посещением.

– Неужели? – ахнул брат Иероним. – Но почему?

– Это нам, конечно, неизвестно, – уклончиво ответил брат Пьетро.

– Может, ты нам скажешь почему, – Изольда посмотрела на брата Иеронима. – Это случилось, когда оттоманы пристали к берегу, чтобы починить свою галеру, а их капитан Раду-бей напросился на обед с Лукой. Милорд заявил, что Раду-бей – заклятый враг христиан, который пытался взять его в плен.

– Не могу вам ничего сказать, – отрывисто сказал он, отводя взгляд. – Знаю только, что этот мавр, Раду-бей, – правая рука самого султана, угроза всему христианскому роду и нашей христианской церкви.

– Он не мавр, – возразила Ишрак. – У него светлая кожа.

– Но тогда почему он враг милорда, главы Ордена Тьмы? – спросила Изольда.

– Любой мавр – наш недруг, – наставительно заявил исследователь. – Ибо успехи оттоманов – это знамение конца нашего мира. Что до Раду-бея, то меня он не интересует, и в ваших приказах он не упоминается. Так что не будем строить догадок.

Брат Иероним, пресекая дальнейшие разговоры, решительно достал из кармана свиток.

Фрейзе кивнул в сторону Луки – вот, мол, сбываются мои наихудшие опасения, и про-
бормотал:

– Снова запечатанный приказ. Адью, рагу из цыпленка и кнедлики.

– А мы любим строить догадки, – проворковала Ишрак, и Лука криво усмехнулся.

– Прочесть приказ вслух, перед всеми? – гонец Ордена вопрошающе посмотрел на Луку. Молодой человек утвердительно кивнул.

– Без знаний и умений каждого мы бы ни на шаг не продвинулись в расследованиях.

Посланник милорда удивленно приподнял брови, словно никогда не слышал ничего более удивительного, сорвал печать и расправил свиток на обеденном столе.

Все сели за стол и замерли в ожидании.

– Все указывает на то, что мир наш поразила болезнь, известная как танцевальная чума, – начал брат Иероним. – *La maladie de la danse*¹. Согласно приказу милорда, вам следует отправиться по старой дороге на север, затем на восток и пройти вдоль берегов Дуная. По дороге – вспышка болезни произошла где-то в той области – вы услышите рассказы о плясунах, которые движутся вниз по реке. Где они сейчас, нам неизвестно. Расспрашивайте о них, найдите их.

¹ Плясовое помешательство (*фр.*).

Встретившись с ними, понаблюдайте за их танцами. Допросите по отдельности каждого, кто в состоянии сказать хоть слово. Обратитесь за помощью к местному священнику, пусть проведет обряд, изгоняющий бесов, или прочтет над ними заклинательные молитвы. Посмотрите, будет ли от этого толк. Испробуйте различные лекарства и снадобья. Экспериментируйте, творите с заболевшими все, что вам только вздумается, но лишь с теми, чья жизнь не представляет никакой ценности и чья гибель никого не огорчит. Заведите знакомство с лордом Варгартеном, наместником земель к северу от реки, пообщайтесь с епископом, выясните, случались ли вспышки подобного заболевания ранее, что стало тому причиной и чем все закончилось. Немедленно оповестите милорда, как только узнаете, что это – припадок безумия, отравление, умоисступление или что похуже.

– Что похуже? – Глаза Фрейзе выкатились из орбит. – Господи, в каком мире вы живете? Что может быть хуже, чем безумие, отравление или умоисступление?

– Одержимость, – коротко ответил брат Иероним. – Когда вселяется в человека нечистый дух, и становится человек одержим демонами, и пускается человек в пляс под бесовские напевы.

– Демонами?

– Почему бы и нет.

Страх, исказивший лицо Фрейзе, отразился в лицах остальных.

– Демонами? – сдавленно прошептал Фрейзе. – Ты посылаешь нас к людям, которые, вероятнее всего, одержимы демонами?

Посланник ордена кивнул.

– Того мы величаем расследователем, кто не отступает перед ужасами нашего мира, но исследует их, обнажая их природу. Ты волен поступать как тебе заблагорассудится: следовать за ним или оставить его. Всем вам, его компаньонам, предстоит решить, что делать дальше.

– Но разыскивать этих людей? – не унимался Фрейзе. – А что, если они и впрямь демоны? А если они захотят сделать одержимыми нас?

Расследователь обменялся улыбкой с братом Пьетро: простодушность слуги его позабыла.

– Мы – образованные люди Писания, хранители знаний. Демоны над нами не властны.

– А как насчет девушек?

Посланник милорда мигом утратил всю свою напыщенную самоуверенность.

– Что я могу сказать, – вздохнул он. – Я в замешательстве. Как известно, женщины более предрасположены к умопомрачению и истерии. Их разум хрупок, им недостает решимости и сил. Пожалуй, вам лучше не брать этих двух юных дам с собой ради их же безопасности.

– Но нам по пути, – сухо молвила Изольда. – Дорога вдоль берега Дуная как раз ведет на восток. Да и наше совместное путешествие до сих пор подтверждает, что нам вполне хватает и решимости, и силы. Более того, мы не невежды. И если образование действительно что-то значит, то нам нечего опасаться.

– Я не имел в виду пение и вышивку, – умилился брат Иероним.

Изольда обожгла его таким взглядом темно-голубых глаз, что у него на мгновение перехватило дыхание.

– Я тоже не их имела в виду.

– Отец госпожи Изольды, итальянский дон Лукретили, видел дочь наследницей его великих угодий и главой местного совета. И воспитывал ее соответствующе, – пояснил Лука. – Когда дон заболел, Изольда управляла его замком и землями. Она *midons*², владыка замка. Знания ее простираются далеко за пределы пения и вышивки.

Брат Иероним поклонился.

² *Midons* (лат.) – госпожа, леди (средневековый титул).

– Но дозволено ли мне будет узнать, почему госпожа покинула дом свой и земли Лукретили?

– После смерти отца мой брат обманом лишил меня наследства, и теперь я разыскиваю сына моего крестного, чтобы попросить его собрать войско и отвоевать то, что принадлежит мне по праву, – спокойно ответила Изольда. – Это будет битва не на жизнь, а на смерть. И никакая танцевальная чума меня не остановит.

– Ну а твоя рабыня?

– Я не рабыня, я свободная женщина, – поправила его Ишрак. – Когда мы были в Испании, дон Лукретили разрешил мне посещать университеты, и я многому научилась.

– В мавританские университеты принимают женщин?

– О, да, – усмехнулась она. – Некоторые из величайших университетских философов и ученых – женщины.

– Неужели? – Брат Иероним тщетно пытался скрыть, насколько изумило его то, что он услышал.

– Я изучала философию, астрономию, географию и математику, а также военное искусство.

Лицо озадаченного посланника вытягивалось все больше и больше, и Ишрак не смогла сдержать улыбку.

– Благодаря великодушию лорда Лукретили я получила всестороннее образование. Так что со мной все будет в порядке.

Посланник милорда склонил голову.

– Что ж, ты преподала мне хороший урок. Ты сведуща в науках, которые для меня закрыты: запрещенные книги, вольнодумство. Мне разрешена лишь астрономия, да и та немилосердно урезанная: какие-то люди выдвинули безумные теории, распространили ересь... Что ж, вы приняли решение, а ваша ученость оградит вас от козней зла. И все же я обязан предупредить вас о нависшей над вами опасности.

– А что насчет Фрейзе? – спросила Изольда. – Угрожает ли ему танцевальная чума? Это юноша величайшей отваги и смелости, но ты ведь не получил никакого образования, не так ли, Фрейзе? Что с ним может приключиться?

– Я даже читать толком не умею, – сказал Фрейзе. – Я могу написать свое имя, а также я умею считать. Но ученостью не блистаю. А значит, как только мы, по воле Бога нашего Всемогущего, попадем туда, куда нам надлежит попасть, я тоже начну плясать?

– Это мне неизвестно, – честно признался брат Иероним. – Но риск, несомненно, велик. Мы не знаем, почему вспыхивает танцевальная мания или почему она прекращается. В этом и состоит цель расследования – выяснить причины болезни, найти лечение, спасти людей от смертельного недуга и отправить их по домам.

– А кто-нибудь прежде находил средство от этой хвори? – спросил Лука.

– Само собой, много людей утверждают, что им удавалось изгнать демонов, однако, похоже, эпидемия танцевальной чумы разражается и сходит на нет безо всяких на то оснований. И мы полагаем, что чума эта – явный знак приближающегося конца света. Не могут же люди сознательно затанцовывать себя до смерти. Есть в этом что-то нечистое. Возможно, вам удастся обнаружить, что именно. Я буду молиться за вас.

– Спасибо, конечно, – угрюмо вздохнул Фрейзе. – Но что потом? После того как мы вволю напляшемся с этими умалишенными?

Расследователь поднял глаза и улыбнулся.

– Потом твой хозяин Лука составит отчет, а я или другой посланник привезет вам новый приказ. Кстати, насколько понимаю, в вашем распоряжении после приключения в Венеции находится некоторое количество золота, принадлежащего милорду?

– Все так, – кивнул брат Пьетро. – И мы с удовольствием избавимся от этой ноши.

– Вы можете отдать их мне завтра утром, когда мы будем разъезжаться. Я еду на запад. Передам их другому расследователю, который отвезет их в Рим и вручит лично милорду.

– А у Ордена много расследователей? – полюбопытствовала Ишрак.

Посланник милорда посмотрел на нее как на вражеского лазутчика, допытывающегося о сокровенных тайнах.

– Достаточно, чтобы распознать опасности, угрожающие христианскому миру, и увидеть признаки конца света, – мрачно промолвил он. – Тех, кто докладывает о вторжении твоих соплеменников, тех, кто предупреждает нас о победном шествии оттоманов, приближающихся к сердцу христианской Церкви. В руках их Константинополь – средоточие православия; они угрожают захватить всю Грецию; они, вне всякого сомнения, собираются покорить Европу, и когда они завладеют Римом, тогда – об этом говорится в пророчестве – и наступит конец света. Однако мы, хранители священных христианских традиций, не дремлем. Мы везде и всюду. Мы на страже. Оттоманы считают, нам их не остановить, но мы всегда начеку. Мы наблюдаем, предостерегаем, расследуем, докладываем.

– Сын моего крестного отца противостоит им, – сказала Изольда.

– Кто он?

– Граф Влад III, из Валахии.

Посланник низко склонил голову, признавая заслуги великого полководца.

– Он противостоит им, – подтвердил он. – А мы несем постоянный дозор.

– Но войска оттоманов продолжают наступать, – напомнила Ишрак.

Посланник кивнул:

– Силы Сатаны крепнут день ото дня. Близится конец света.

Брат Иероним отбыл на заре и забрал с собой ослика, груженного настоящими, отделенными от подделок, золотыми ноблями, которые они скупил в Венеции. Милорд заработал целое состояние, обвел вокруг пальца Оттоманскую империю, и друзья были только рады отдать ему всю прибыль и избавиться от этой ноши. Особенно ликовал брат Пьетро, проводивший счастливым взглядом увозимую осликом поклажу; это золото он полагал справедливой платой за грехи, достойным вознаграждением милорду за хитроумную опасную игру, в которой он, по одному лишь ему известным правилам, разыграл, словно в кости, судьбы и христиан, и оттоманов.

Посланник Ордена скрылся из виду, и Лука, Изольда, Ишрак, Фрейзе и брат Пьетро уговорились встретиться возле конюшни после завтрака. В промозглом утреннем воздухе висело марево, на траве поблескивала роса. Изольда плотнее запахнулась в плащ, и Лука – с нежностью, которая выдавала его с головой, – помог накинуть капюшон на ее золотые локоны.

– Поверить не могу, что наше путешествие продолжается и мы снова едем вместе. Какая удача, что сам милорд приказал путешествовать так. И что в новое утро и в новый день мы будем неразлучны, – сказал Лука.

– Каждый день для меня – это подарок, – прошептала Изольда.

Фрейзе позади них седлал исполинского коня брата Пьетро. Лука и Изольда, полностью поглощенные друг другом, его не замечали.

– Но рано или поздно мы расстанемся, – предостерег ее Лука. – Чему быть, того не миновать. Ты отправишься к сыну своего крестного, я – куда прикажет милорд. Что со мной будет, когда настанет этот день, я и представить себе не могу. Запрещаю себе даже думать об этом.

Изольда промолчала. Она собиралась с силами, чтобы задать ему мучивший ее вопрос. Когда же она заговорила, голос ее звучал настолько тихо, что Лука вплотную приблизился к ней, чтобы расслышать слова.

– Лука, а стоит ли нам ждать, когда настанет этот день? Стоит ли тебе продолжать расследование? Ты ведь можешь поехать со мной, сражаться за мой замок и земли. Неужели ты бросишь меня, неужели ты мне не поможешь?

Лука удрученно покачал головой и посмотрел на нее.

– Ты бесконечно дорога мне, но не проси меня бросить расследование. Я дал слово и останусь верен ему. Да, я всего лишь послушник, но я ведь поклялся. Я обещан Богу – родители сами отдали меня церкви, – и я не могу пойти против их воли или нарушить обеты, принесенные Господу. Милорд забрал меня из монастыря, чтобы я выполнил возложенную на меня миссию, но я обязательно туда вернусь. Я присягнул на верность Ордену Тьмы, и ты ведь помнишь, что сказал брат Иероним, работа расследователя – очень важное дело. Возможно, самое важное, какое можно только вообразить.

– Однажды ты уже преступил свои клятвы.

Дивное видение, полное истомы и неги, промелькнуло в голове Луки, и он вспомнил сад, залитый лунным светом, и женщину в маске и капюшоне, которая пришла и отдалась ему в полной тишине, не назвав своего имени, так что он не знал, кого целовал, кому дарил любовь в ту волшебную ночь. Хотя и много воды утекло с той сладостной зари, когда она исчезла так же молча, как и появилась, но Лука до сих пор терялся в догадках, кто она. Изольда, Ишпак и та другая женщина поклялись возле ведущей в сад калитки, что Лука никогда не разгадает их тайны.

– Я бы хотел никогда не грешить, – вполголоса молвил Лука. – Но та ночь, ночь моей первой любви, навсегда останется в моем сердце. На следующее утро ты сказала, что я никогда не узнаю имя моей дивной возлюбленной. Навсегда останусь в неведении, кто именно отворил садовую калитку. Но ведь я ни с кем не обручался, я лишь провел сказочную ночь любви, о которой нельзя упоминать. Ты попросила меня никогда не забывать эту ночь, но и никогда не искать эту женщину.

– Да, ты никогда ничего не узнаешь. И хватит об этом. Но, согласись, в ту ночь ты попрал свои клятвы. Кем бы ни была та незнакомка, обет безбрачия ты нарушил. Разве подобное деяние не освобождает тебя и от остальных твоих зарок?

Лука замотал головой, но Изольда не сдавалась:

– А что, если я отвоюю свое наследство? Какая жизнь началась бы у нас тогда... Вдвоем. В моем замке...

Она зарделась, так открыто предлагая ему себя, кровь прилила к лицу, но она продолжала нашептывать:

– Я снова бы стала богатой леди из Лукретили, а ты, ты мог бы стать новым лордом...

– Я согрешил. Одиноким, опьяненный лунным светом и желанием обладать тобой, я нарушил обеты, но не отрекся от них, – твердо произнес Лука. – Я оступился, я плохой послушник, я неудачник, я грешник, но это не делает меня свободным человеком. Клятвам своим я остался верен. Но даже если б я изменил им, ты бы никогда не унилась до брака со мной. Изольда, любимая, тебе нужен лорд или принц, но не такое ничтожество, как я! Я сын простого фермера, у нас даже клочка земли своего нет, мы его арендуем, но хуже всего, что я, возможно, подменяю. Непонятно чей сын, взявшийся из ниоткуда. Соседи бросали мне в лицо, в лицо моим родителям, что я дитя эльфов. Моя мать всегда уклонялась от прямого ответа, и теперь, когда оба мои родителя в рабстве, кто откроет мне правду? Кто я такой на самом деле? Даже мой отец в гневе отказался от меня, назвал меня чужаком.

– Оттоманы насильно угнали в рабство твоего отца, – воскликнула Изольда. – Он был в исступлении, когда гнал тебя прочь. Он раб, но я верю, ты освободишь его. Ты найдешь и освободишь свою мать. И они не откажутся от тебя. И никто не осмелится обозвать тебя эльфийским подменным, если ты будешь со мной, если станешь лордом Лукретили.

Близость Изольды, ее слова об упоительной чудесной жизни завораживали его. Но он прошептал молитву и тряхнул головой.

– Негоже усаживать эльфийское отродье на трон лорда Лукретили, – жестко сказал Лука. – Ты покроешь себя позором, Изольда из Лукретили. Ты оскорбишь память своего отца, великого лорда-крестоносца. Бесчестье твое падет и на меня, ибо я стану тому причиной. Поношения и унижения ждут тебя и твой благородный род, подобного мезальянса тебе никогда не простят, да и я сам никогда его себе не прошу.

Это была правда, и возразить Изольде было нечего.

– Знаю, – понурилась Изольда. – Конечно, ты прав. Но что же нам делать? Неужели наши дороги разойдутся? Мы ведь только-только обрели друг друга. Неужели на этом все и закончится? Мы ведь созданы друг для друга. Разве это ничего не значит? Разве есть на свете что-то важнее?

– Других лошадей тоже оседлать? – раздался у них над головами задорный голос Фрейзе. – Я договорился на кухне, чтобы в наши седельные сумки положили еды и чего-нибудь попить. Одному Богу известно, где нам сегодня придется поужинать.

Ишрак, несущая тяжеленные седельные сумки, показалась на крыльце гостиницы. Услышав Фрейзе, она рассмеялась.

– По крайней мере, от голода мы точно не умрем – с таким рачительным главой нашего отряда, как ты, Фрейзе.

Лука и Изольда расступились, пропуская Ишрак к сбруйной – к складу, где хранилась конская упряжь. Ишрак сняла уздечку, перекинула ее через плечо, и вдруг кто-то маленький, как ребенок, и прыткий юркнул за кормушку.

Ишрак мгновенно приняла боевую стойку, выхватила из-за голенища кинжал и отставила вторую руку для баланса, готовясь отразить удар.

– Кто тут?

Легкая возня, звуки поспешного бегства, распахнувшаяся настежь дверь, захлопнувшаяся с громоподобным стуком, и – тишина.

– Ты чего?

Фрейзе, зашедший на склад за седлами, с тревогой уставился на распрямляющуюся Ишрак.

– Заметила что-то?

– Мне показалось, здесь кто-то есть. Прячется.

– А сейчас он тут?

– Думаю, сбежал. Пронесся в дверь, как молния.

Ишрак вложила кинжал в ножны, заткнула их за голенище, подошла к двери и выглянула наружу. Миниатюрное пастбище, фруктовый сад, парочка откормленных гусей, пощипывающих травку, и больше ни единой живой души.

– Тебе ведь что-то подобное встречалось и прежде? – спросила она, запирая дверь и возвращаясь в сбруйную.

Фрейзе кивнул:

– На протяжении всего путешествия. Мне все кажется, что я то вижу кого-то, то слышу что-то.

– Но, Фрейзе, это что-то из ряда вон выходящее. Ростом с медвежонка, но быстрое, ловкое и бесшумное, как кошка.

Фрейзе согласно закивал в ответ:

– По размеру – как ребенок.

Ишрак дернула плечами.

– Какой ребенок мог бы незаметно следовать за нами от самой Венеции? Мы проводим в седле целый день, скачем по открытой местности. Ни ребенку, ни даже взрослому мужчине не угнаться за нами, да еще так, чтобы мы его ни разу не увидели.

– Это я знаю, – неестественно твердо проговорил Фрейзе.

– И все-таки ты уверен, что некое Существо преследует нас? – сдавленно прошептала Ишрак.

Фрейзе не ответил.

– Там, в Венеции, было одно создание, – выдавила она через силу. – Алхимики сказали, что открыли эликсир жизни. Стекланный колпак разбился, мы спасли Существо и выпустили его в канал. Фрейзе, ты думаешь это оно? Порождение алхимиков?

– Именно так я и думаю.

Ишрак обуял ужас.

– Но ведь оно было маленьким, словно ящерка, когда выскользнуло из стекланный колпака.

Фрейзе мрачно кивнул:

– Но когда мы отпускали его в реку, оно было размером с младенца.

– Я помню.

– А теперь оно ростом с большого ребенка?

– Да.

– Оно так стремительно растет? Невероятно!

Фрейзе снова кивнул.

– А еще оно невообразимо быстрое, раз бежит наравне с лошастью.

Фрейзе страдальчески скривился.

– Мне кажется, оно плыло за мной в канале, плыло за рыбацкой лодкой в Венеции, – шепнула Ишрак.

– А теперь мчится за нашей кавалькадой, – вздохнул Фрейзе. – День за днем.

Ишрак побледнела.

– Ты сказал о нем Луке?

Фрейзе замялся.

– Нет. Я не знал, что ему говорить. Я думал, у меня разыгралось воображение и я просто болван, которому мерещится невеста что. Надеюсь, что просто перетрусил от всех этих тайн и загадок и если не буду обращать на него внимания, то оно как-нибудь само собой улетучится. А теперь и ты его видела.

– По правде сказать, я его не видела. Лишь что-то слышала.

– Не важно. Оно – существует.

Ишрак взяла себя в руки.

– Но что оно такое? Ящерица, превратившаяся в ребенка?

– Поначалу я растерялся донельзя, – произнес Фрейзе, – но потом меня поразила одна мысль...

– Какая? О чем ты? Теперь ты говоришь загадками, Фрейзе?

– В общем, вопрос не в том, что оно такое. Вопрос – почему оно увязалось за нами. Если это загадочное Существо столь непостижимо и таинственно, если из малой ящерицы оно превращается в человеческого детеныша, зачем ему тащиться за нами, словно бродячая собака?

Ишрак шагнула к Фрейзе и нежно приложила узкую ладонь к его богатырской груди. Почувствовала, как под холщовой рубахой часто-часто бьется испуганное сердце, наполненное теми же суеверными страхами, что и ее собственное.

– И что же ему от нас надо? – спросила она, наперед зная, что у него нет для нее ответа. – И когда же оно предстанет перед нами во всей своей красе и – заговорит?

Весь день они ехали по старой римской дороге, ведущей напрямик на север, по полям пшеницы и ржи, мимо огородов и садов. Иногда, чтобы сократить путь, они сворачивали с дороги на неприметную тропку, на которую указывал какой-нибудь селянин, и тряслись, пробираясь друг за другом, по ухабистым дорожкам, проложенным пастухами да коробейниками. Пару раз попадались им кособокие грязные лачуги: пустые глазницы окон забиты ставнями, двери на замке.

Все выше и выше взбирались они по холму, заросшему таким густым лесом, что даже ярким днем там царила глубочайшая тишина и в зеленой тени не щебетали птицы. Не встречалось там и постоянных дворов, но какова же была их радость, когда они, сделав привал под раскидистыми необъятными деревьями, раскрыли переметные сумы и утолили голод изумительной едой, припасенной Фрейзе, а жажду – легким кисловатым вином.

К вечеру второго дня пути дорога зазмеилась с холма вниз, напрямик к необозримому, словно море, вольно раскинувшемуся Дунаю, на противоположном берегу которого, перед городской стеной с воротами, суежилась, полная народу, необыкновенно красивая каменная набережная.

Не обменявшись ни словом, путники перестроились: Изольда и Ишрак отвели лошадей и теперь ехали позади мужчин, накинув капюшоны, чтобы полностью скрыть волосы, и опустив глаза, как подобает послушным и покорным юным девам. Из каморки на берегу реки вышел паромщик и призывно замахал им рукой. Они подъехали.

– Желаете в Маутхаузен?

– Да, – ответил Фрейзе, соскакивая с коня и выуживая из кошель монетку, чтобы заплатить пошлину.

– Уверены? Болезнь у них там, танцевальная чума, – предупредил паромщик.

– Мудрец непременно повернул бы назад, – согласился Фрейзе и кивнул Луке, давая тем самым знак, что танцоров они отыскиали.

Лука сошел с коня и направился к паромщику.

– И давно здесь танцоры?

– Два дня уже. Их ведь не остановить. Но на мой паром им путь закрыт – они же танцуют, как полоумные, того и гляди, ко дну его пустят. Нет уж. Раз вошли через северные ворота, пусть через них и убираются. Зря, конечно, привратник впустил их. Но да как их не пустить, они подкрадываются тихо, как мыши, уж на это у них ума хватает. Теперь вот отплясывают на площади, а кто заплатит за то, чтобы они ушли отсюда? Ясное дело, мы, горожане!

– Нам нужно на ту сторону, – коротко подтвердил Лука.

Фрейзе, держа коней под уздцы, помог всем спешиться.

Через реку был перекинут толстый крученный канат: закрепленный на корме и носу плоскодонной барки – паромы, – он тянулся над водной гладью, обвивая петлей устремленные ввысь обводные шкивы на противоположных берегах. Одну за другой Фрейзе завел на борт лошадей и привязал к коновязи. Следом по сходням поднялись остальные. Паром отчалил.

Сильное течение подхватило их и потащило вниз. Лука, Фрейзе, брат Пьетро и паромщик вцепились в тянущийся поверху канат и, вперехват, вытягивали его, пока барка с глухим ударом не уперлась в стенку причала.

Рядом были пришвартованы корабли, прибывшие сверху по течению; покачивались на волнах баржи, с боем, наперекор яростному течению, прокладывая себе путь из Вены дальше, домой, на восток. Сновал озабоченный люд, таможенники вжимали пошлины с капитанов, докеры грузили и разгружали суда, но при этом тягостное безмолвие висело над набережной, и каждый нет-нет да и поглядывал искоса на закрытые городские ворота. Люди спешили, люди боялись: не слышалось ни добродушных шуток, ни свиста. Даже разгружавшие баржу докеры, тянувшие перекинутую через блок веревку с тюками соли, не распевали песен.

Не иначе как чума обосновалась в городе. Барки поспешно отплывали, таможенники впопыхах осматривали товары, и все ждали, что вот-вот грянут звуки разухабистой хмельной джиги.

Закрытые наглухо прочные дубовые городские ворота приотворились, стоило только путешественникам снять с лошадей поклажу, и привратник впустил их в город. Работа на набережной остановилась, люди недоуменно таращились на них.

– Похоже, кроме нас, никому не хочется соваться в этот город. – Фрейзе скорчил недовольную гримасу.

– Конечно, – согласился Лука. – Но ведь это наша работа.

– Да знаю, знаю.

И огорченный Фрейзе повел Руфино через открытую створку ворот, за ним последовали остальные.

На первый взгляд городок казался вполне обычным, даже процветающим. Улицы, мощенные брусчаткой из местного гранита, карабкались вверх по холму к центральной площади с каменным обелиском – верстовым столбом; величественные дома городской знати окружали площадь с трех сторон; с четвертой стороны к площади примыкала церковь со старенькой, прячущейся позади часовенкой.

– Приличная гостиница здесь найдется? – проорал Фрейзе вынырнувшему на площадь человеку – понутив голову, тот плелся за коровой. – С доброй хозяйкой, славным вином и отличным поваром?

– Сомневаюсь, – заунывно отозвался человек. – Готовит она неважно. Но можете попробовать. Называется «Морской окунь», это на рыночной площади, направо.

– Так я и думал, – буркнул Фрейзе и зашагал, увлекая за собой остальных, по булыжной мостовой напрямик к площади, где свисающий с балкона сноп пшеницы сообщил ему, что чернеющий дверной проем – это булочная, а высохшая гирлянда остролиста – что перед ним постоянный двор.

В городе явно творилось неладное. В недрах стоящего нараспашку храма седовласый старик в окружении родных, царапаясь и лягаясь, рвался прочь, а сын упорно тащил его к алтарю. На площади скрипач в живописных лохмотьях и латаном плаще крутил колки у безмолвной скрипки, а десятка два людей поблизости переминались, подпрыгивая, с ноги на ногу. Одни щеголяли в царственных нарядах, словно праздник урожая, на который они заскочили на минуточку, чересчур затянулся, другие – в порванных в лоскуты платьях, словно им пришлось продираться сквозь кусты ежевики или отчаянно сражаться с людьми, пытавшимися удержать их всеми силами.

Улица пестрела разноцветными головными уборами и развевающимися на ветру лентами – отличительными знаками сел и городов, ближних и дальних, из которых прибыли плясуны. Луку захлестнуло беспредельное отчаяние – люди эти кочевали из города в город, всюду находя себе новых последователей. Судя по виду, многие из них скитались уже не один день.

– Что здесь происходит? – спросил Фрейзе владельца коровы, который торопливо уходил прочь, таща за веревку буренку.

– Полное сумасшествие, – тоскливо ответил он. – Все случилось прошлым воскресеньем, сразу после Всенощной. Вначале в город ворвалась женщина, за ней – лесоруб. Он поволок ее было к священнику, да тут из церкви вышла какая-то прихожанка, задрала юбку до колен и пустилась в пляс, за ней еще одна, а потом десяток других набежали с севера вместе со скрипачом и устроили танцы. Затем к ним и барабанщик присоединился, так что конца-краю этому не видно.

– Эй! – заорал Фрейзе, когда пританцовывающая возле него женщина схватила его за руку, увлекая за собой.

Вцепившись в гриву Руфино и шепнув ему на ухо «Не отпускай меня!», он вежливо обратился к плясунье:

– Прошу прощения, я не танцую.

Владелец коровы осенил себя крестным знаменем, дернул за веревку и был таков.

– Думаю, она тебя не слышит, – сказал Лука, завороченно глядя на женщину. Милое лицо, застывшая улыбка, широко распахнутые, но ничего не выдающие глаза, руки, теребящие куртку Фрейзе: рукава, ворот, края.

Фрейзе, мягко отпихивая ее от себя, бормотал:

– Нет, госпожа. Я не могу. Честное слово, я не танцую. Прошу прощения.

Черными, как бездна, глазами, оттого что расширенные зрачки поглотили радужку, женщина смотрела на него, но его не видела. Лицо, искаженное напряженной гримасой, улыбалось, в уголках рта сверкала засохшая слюна. Приплясывая на ходу, она тянула за собой Фрейзе.

– Да не могу я, – стонал Фрейзе, обнимая за шею верного коня. – Я вообще не по танцевальной части.

Но она оставалась глуха к его причитаниям. Единственное, что доносилось до ее слуха, это отдаленный стук барабана на площади, заставлявший ее ритмично подсакивать. Вдруг, к величайшему ужасу Фрейзе, к женщине присоединились другие плясуны – извиваясь и покачиваясь, они выстроились в цепочку, взялись, словно в хороводе, за руки и двинулись – раз – нога вытянута вперед, два – шаг назад, раз – вперед, медленно, но неумолимо придвигаясь к нему все ближе и ближе. Фрейзе посмотрел на Луку.

– Воробышек, – взмолился он, – помоги. Один Господь Бог разберет, что им от меня надо. Но ты-то знаешь, я никудышный танцор. А эта леди, похоже, втюрилась в меня по уши.

Лука подвел своего коня к Руфино, встал бок о бок с Фрейзе. Обхватив друга за плечи, он сильно встряхнул его.

– Ну же. Постоялый двор совсем близко. Не обращай на них внимания. Держись за Руфино. Не позволяй им увлечь себя. Пойдем.

Обнимая Фрейзе, Лука двинулся прямо на странную женщину-плясунью. Лошади Ишрак и Изольды ступали рядом, след в след за державшимися за руки хозяйкам. Замыкающий шествие брат Пьетро, мертвенно бледный, тихо и невнятно творил слова молитвы, одной рукой держа коня, другой крепко сжимая деревянное распятие.

Женщина отшатнулась, пропуская Луку и Фрейзе к воротам, ведущим на постоялый двор, но при виде девушек лицо ее исказила судорожная усмешка.

– Идите и танцуйте! – прохрипела она страшным, надтреснутым голосом, словно ведьма, насылающая проклятье. – Идите и танцуйте, красавицы! Девушки любят танцевать!

Ишрак и Изольда отскочили назад и, спрятавшись за лошадиными крупами, погоняли коней вперед, а женщина бесновалась позади них, и другие танцоры спешили к ней, кружась и тряся лохмотьями. Кто-то колотил по бутылочной тылке, и семена рокотали в унисон барабанному бою, кто-то, безбожно фальшивя, затянул песню:

– Танцевать! Танцевать! Давайте танцевать!

Лука, волоча за собой Фрейзе, добрался до ворот постоянного двора, которые тотчас распахнулись. Путешественники ввалились во двор, ворота с шумом захлопнулись, и хозяйка задвинула их на засов.

– Господи, помилуй, – перекрестился брат Пьетро. Взглянув на девушек, трепетавших, как в лихорадке, на заостренвшегося от пережитого кошмара Фрейзе, он добавил: – Господи, помилуй нас всех.

– Сумасшедший дом, а не город, – вздохнула пожилая хозяйка, глядя на них с крыльца гостиницы. – Полагаю, вы не захотите остаться.

– Нам придется остаться, – решительно сказал Лука вопреки с недавнему его страху. – Я – исследователь, назначенный самим папой римским. Я должен понять, что здесь происходит, и по возможности вернуть эти заблудшие души к Богу и наставить их на путь истинный.

– Как по мне, так вам лучше убраться отсюда куда подальше, – нахмурилась хозяйка. – И не говорите потом, что я вас не предупреждала. Эта зараза цепкая – один подхватил, передал другому. Не хотите же вы, чтобы барышни, задрав юбки, пустились в пляс.

– Ни за что. – Изольда гордо вскинула подбородок, хотя дрожала, как осиновый лист. – С этими людьми у меня нет ничего общего. Это не танцы, а невесть что. Кажется, они валяются с ног и вот-вот упадут от изнурения.

– Все так, – мрачно кивнула хозяйка. – Сами упадут и других за собой на дно потянут.

– Сегодня мы ночуем здесь, – постановил Лука. – Нам нужны комнаты и стойла для лошадей. Я разберусь, что тут творится. И, если будет на то Господня воля, завтра мы все разузнаем и уедем отсюда.

Фрейзе встрепенулся.

– Пойду позабочусь о лошадях. Если ты справишься с расследованием в мгновение ока и завтра на заре мы отправимся в обратный путь, радости моей не будет предела. Чем быстрее мы с этим покончим, тем меньше вероятность, что кто-нибудь из нас заразится. Помнишь, как она схватила меня за руку и потащила за собой?

– Еще бы, – Лука помрачнел. – Ведь это я схватил тебя за другую руку и оттащил от нее.

Лука лично проследил, чтобы девушек разместили с комфортом в дальней части дома, в комнате, выходящей в сад и на крохотную лужайку, куда не долетали запахи из конюшни и не доносились звуки барабанной дроби с центральной площади. Когда девушки спустились вниз и присоединились к мужчинам в обеденной зале, расположенной в той части гостиницы, что выходила окнами на улицу, они приотворили ставни и увидели безостановочно кружащих по площади танцоров, шаркающих в полузабытьи одеревенелыми ногами, словно их вынуждали это делать. Только когда солнце скрылось за горизонтом, они повалились снопам на булыжную мостовую и на крылечки домов и застонали, жалуюсь на боль в ногах и крайнее изнеможение. Какая-то женщина в чудесном наряде одной из горных деревень лишилась чувств, но ее кавалер не обратил на нее никакого внимания и оставил лежать бездыханной на каменистой дороге, бросил умирать, как собаку, мгновенно позабыв о ней.

Лука пробежал глазами свитки, оставленные братом Иеронимом.

– Причины болезни никому не известны, – прочел он. – На юге считают, что ее вызывает укус паука-тарантула, поэтому танцы этих несчастных называют «тарантеллой». Однако в других местах недуг этот, похоже, вспыхивает и угасает безо всяких на то причин.

– Необходимо поговорить с этими людьми, выяснить, почему они начали танцевать, – сказал брат Пьетро.

– Они присмирели. Самое время пойти поговорить с ними.

Лука обернулся к Изольде и Ишрак:

– Я прошу вас никуда не выходить из комнаты.

Изольда кивнула, и даже Ишрак не кинулась отстаивать свое право на свободу передвижения.

– Ты берешь с собой Фрейзе? Уверен, что ему ничто не грозит? – спросила она.

– Я бы хотел, чтобы он отправился со мной, – признался Лука. – Но только если он сам изъявит желание.

– Я пойду, – выступил вперед брат Пьетро. – Я могу тебе пригодиться.

Лука колебался.

– Вам троим лучше остаться здесь. Будете за нами наблюдать. И если над нами сгустятся тучи, вы вызволите нас из передраги.

Ишрак кивнула.

– Когда желание танцевать захватит тебя, подними правую руку, и мы кинемся тебе на помощь.

Брат Пьетро высунулся на улицу, там осталась всего одна пара: привалившись друг к другу, мужчина и женщина на последнем дыхании медленно топтались по площади.

– Хорошо, – согласился он. – Сейчас они отдыхают, но дорога каждая минута – в любой момент они примутся за старое. Будь начеку, исследователь. Я не спущу с тебя глаз. Не уходи с площади, не пропадай из виду, я буду наблюдать за тобой из этого окна. Они не должны завладеть тобой.

Лука и Фрейзе осторожно отодвинули засов, запиравший дверь. Позади них выросла хозяйка, готовая задвинуть его обратно, как только Лука и Фрейзе окажутся снаружи.

– Я их сюда не пушу, – шепнула она. – Я подаю все, что им нужно, через окно, а деньги они кидают в чашку с уксусом. Так уже было, когда в долину приходила чума. Но дотрагиваться до меня – дудки. Дай им только завладеть тобой, и – пропал с потрохами. Закружат в танце, и поминай как звали. Завиральные эти поветрия хуже чумы. Не попадайтесь им на крючок.

– Вы не забудете открыть дверь, как только мы постучим? – спросил Фрейзе.

– Не забуду, – заверила она. – Но лучше б вы послушали меня и не казали носа на улицу.

– Особенно ты, – она ткнула пальцем в Фрейзе. – Они чуть было не охмурили тебя разок и теперь уж не отважатся. Им страсть как не терпится обратить тебя. Они думают, ты один из них. Они хотят прибрать тебя к рукам.

– Я незаменимый, – вздохнул Фрейзе. – Куда мой хозяин, туда и я. Я просто незаменим.

И Фрейзе, бледный, обмирающий от страха, вслед за Лукой вышел на притихшую площадь.

Когда замерли последние звуки плясовой, танцоры, не сходя с места, рухнули как подкошенные: кто-то прикорнул на ступеньках крыльца, кто-то привалился к наглухо запертым дверям магазинов на краю площади, кто-то повалился на булыжную мостовую, кто-то прислонился к прохладному, изъеденному временем старому обелиску в самом центре города. Лука присел возле пожилой женщины, сиротливо притулившейся в стороне от всех. Туфли ее развалились, подошва отстала, подол серого шерстяного платья изодрался в лоскуты.

– Бог да благословит тебя, добрая женщина.

Старуха приподняла веки и осоловело уставилась на Луку.

– И тебя.

– Гляжу, ты умаялась.

– Я смертельно устала. Дай мне попить.

Лука кивнул Фрейзе. Молодой человек вытащил из-за ремня маленькую кожаную флягу с элем и нехотя протянул ее женщине. Старуха сделала небольшой глоток, Фрейзе забрал у нее флягу, тщательно обтер края и запечатал пробкой.

– Ты голодна?

Женщина замотала головой, сползла на землю, перекатилась на бок, подложила под щеку сложенные ладони и закрыла глаза.

– Что ты тут делаешь? – потряс ее за плечо Лука – Почему ты танцуешь?

– Мне надо поспать. Не успеешь и веки смежить, как снова пора встать и пускаться в пляс. Сил моих больше нет. Ног под собой не чувую. Дай мне поспать, юноша.

– Так брось танцевать, – разгорячился Лука. – Пойдем со мной в гостиницу, там тебя ждет мягкая постель и сытный ужин. Только представь – блаженная ночь сна.

Искоса она посмотрела на него.

– Но я не могу. Танцы – мое призвание. А ты что, не призван?

– Нет. Кто призвал тебя? Кто-то из танцоров? Они обратили тебя?

– Да. Однажды они дотронулись до меня. Но я сама, сама помчалась за ними. Я мечтала танцевать, танцевать до самой смерти. И вот, похоже, я добила своего.

– У тебя есть дом?

Она передернула плечами.

– Если это можно назвать домом. Юный господин наподобие тебя побрезговал бы оставить в нем лошадь. Нищая халупа. Но для меня и такая годилась. Долгие годы томила я в ней, влача жалкое существование. Голодное детство, беспросветная юность. Дети бросили меня, помощи ни от кого не дождешься, все надежды погребены и забыты.

– Но разве ты не хочешь вернуться домой? К родным, семье?

Она расхохоталась, словно никогда прежде не слышала столь остроумной шутки.

– Да лучше затанцевать себя до смерти, чем вернуться!

– А остальные? Они думают так же?

– Я почему знаю? – фыркнула она. – Да мне и дела до остальных нет. Я не спрашиваю, они не отвечают. Мы вообще не разговариваем, мы танцуем. С тебя тоже хватит болтовни на сегодня.

Она плотнее укуталась в изорванный плащ и заснула.

Лука выпрямился, посмотрел на Фрейзе. Тот пожал плечами. Они пересекли площадь и подошли к мужчине, который уговаривал свою дочь уйти с ним, пока танцоры спят. Он хватал ее за руки, он тащил ее вверх, она же, отчаянно сопротивляясь, упиралась каблуками в торчащие из мостовой камни. Отец ее, здоровенный детина, казался бессердечным чудищем, вознамерившимся с корнем выдрать хрупкий цветок.

– Я не пойду, – плакала девочка.

– Но твоя мать велела тебе ступать домой, да и братья тебя ждут.

– Я не могу остановиться! Ты сам видел. Я не могу не танцевать.

– Но сейчас же ты не танцуешь, – урезонил ее Фрейзе. – Почему бы тебе не встать и не отправиться потихоньку домой, пока никто не прыгает и не скачет, пока молчит скрипка? Твой папа здесь, он тебе поможет. Я помогу тебе. Выведу на дорогу. Мы будем крепко держать тебя и не дадим сбиться с пути.

– Мне пришлось остановиться. Я не могла более ступить и шагу. Я вынуждена была сесть посидеть. Но как только силы вернутся ко мне, я снова пушусь в пляс.

– Но разве тебе не хочется это прекратить? – не поверил ей Лука.

– Еще как хочется, сэр, – вмешался отец. – Клянусь, в глубине сердца она ничего другого и не желает. У нее не жизнь, а малина. Завидный жених – есть, работа, которой невпроворот, – есть. Да наша ферма без нее пропадет. А она вскакивает как-то утром и давай ногами дрыгать. Баклуши, значит, бьет, а дел – непочатый край. Коровы не доены, сыроварня не метена, яйца не собраны. К тому же бык охромел, и кому, как не ей, за плугом идти да боронить. А она знай себе ворон ловит. Весь день да полночи протанцевала, а затем вылезла в окошко и дала деру за этими плясунами.

– Она побежала за ними? Не они поманили ее? Она сама нашла их? Но почему?

Девчушка вскинула голову и уставилась на Луку безжизненным немигающим взглядом.

– Да потому, что я хочу танцевать, как богиня. И плевать, чем придется пожертвовать ради этого.

Отец девочки изменился в лице.

– Свихнулась, – попытожил он. – Всегда была дура-дурой, а теперь и вовсе свихнулась.

– Ты знала кого-нибудь из танцоров, прежде чем начала танцевать? – спросил девочку Лука.

– Так священник наш как раз накануне против них с проповедью выступил! – зарычал отец. – Мол, берегитесь, люди добрые, беспутный скрипач, склонивший ко греху бесшабашных парней да непутевых девиц, ведет к нам свою шайку, а потому захлопните скорее двери свои и заткните скорее уши свои. Мол, бездельники они, что только веселятся да бражничают, пока мы гнем спины, света белого не видя. Разумные люди его предупреждениям вяляли, окна-двери позакрывали. Но разве дочь моя слушает, что ей говорят? Куда там! Она же лучше всех все

знает! Она высовывается из окна, пялится на этих шаромыжников, а когда те уходят, выбегает во двор и – ну танцевать. А потом и вовсе поскакала за ними, постоянно пританцовывая. Ну, я – за ней, смотрю, а она уже здесь посреди деревни пляшет, как безумная, позорит и меня, и себя перед соседями. Вот приволоку ее домой, уж я ей задам, дурь-то из нее повыбиваю – живого места не останется. Ноги переломаю – авось поутихнет.

– Ты, старый болван! – возмутился Фрейзе. – Да какой ей смысл возвращаться домой, если там ее изобьют до полусмерти?

Лука опустил на колени перед девочкой и мягко спросил:

– А если бы дома тебя не обижали, если бы жизнь твоя была легче, ты бы бросила танцевать?

Она вскинула худенькое, изможденное лицо. Под глазом ее выцветал лиловый синяк, оставленный, наверно, с неделю назад чьим-то кулаком.

– Я никогда не брошу танцевать, – тихонько прошептала она. – И меня всегда будут обижать дома.

– Да как ты можешь? – негодовал Фрейзе. – Как можешь ты поднимать руку на своего ребенка, плоть от плоти твоей? Как можешь ты заставлять такую махонькую пичужку ворочать плугом?

Но слова мягкосердечного Фрейзе пропали втуне. Мужчина повел плечами.

– Ежели быка нет, кому еще пахать? А ежели она из повиновения выходит, отчего ж ее кулаком-то не приласкать, не поучить уму-разуму?

Фрейзе замешкался, ему хотелось еще немного поговорить с девочкой, но Лука тронулся с места, и он поспешил за ним. Внимание Луки привлекла группа людей, которые, судя по их истрепанным платьям и стоптанным башмакам, уже не первую неделю скитались, танцуя, по городам и весям. Один из них, совсем еще юноша, лежавший, привалившись к каменным ступеням, поднял на Луку глаза:

– Подай нам, Христа ради, добрый человек. Нам не на что купить еды.

– Почему бы вам самим не заработать себе на хлеб? – спросил Лука.

– Для работы мы непригодны, мы можем только танцевать, – вздохнул юноша. – Если благодетельствуешь нас деньгами, мы оттанцуем в следующую деревню, а ты живи дальше с миром.

– И что, в каждой деревне вам платят, лишь бы избавиться от вас?

Молодой человек коротко рассмеялся:

– Еще как. Нас боятся. Боятся, что мы уведем с собой детей.

– Значит, танцами вы и зарабатываете себе на жизнь? Или же вы обычные попрошайки?

– Нет. Истину говорю, мы – танцоры. Я не в силах перестать танцевать. Однажды священник приволок меня в церковь и ну давай поливать святой водой, а я протанцевал по проходу к дверям, да и был таков. Понял он, что со мной каши не сварить и лучше вытурить меня подобру-поздорову. Собрал мне в дорогу еды и вытянул из меня обещание, что я уйду и заберу с собой остальных, таких же, как я. Не сегодня-завтра здешние жители тоже нас накормят, и мы отбудем восвояси. Хотя куда нам идти? Нигде нам не рады. Но нам платят, и мы уходим. Ты принес денег, чтобы мы ушли немедленно?

– Нет. Скажи мне, почему ты начал танцевать.

Преодолевая боль в истертых в кровь ногах, юноша поднялся во весь рост.

– Если возложу я на тебя руки свои, ты тоже пустишься в пляс, – провозгласил он. – Но если дашь мне немного денег, я оставлю тебя в покое.

Собрав всю отвагу в кулак, Фрейзе шагнул к юноше.

– Это – исследователь Ордена Тьмы, назначенный самим папой римским, – размеренно проговорил он. – Ты не тронешь его, а он не даст тебе денег.

Паясничая, юноша выбросил вперед руку. Указательный палец остановился в дюйме от толстой шерстяной рясы Луки.

– Стоит мне только дотронуться до него, и он пустится в пляс и будет плясать без остановки, – ухмыльнулся он. – Так и передай Его Святейшеству, вместе с моими наилучшими пожеланиями.

Лука не дрогнул, он смотрел на юношу долгим изучающим взглядом.

– Пожалуйста, не угрожай мне, я не желаю тебе зла. Но я хочу знать, почему вы танцуете, я хочу излечить вас и вернуть к нормальной жизни. Я здесь, чтобы помочь вам, если будет на то воля Бога. Мне даны указания помогать вам по мере моих сил и умений.

Молодой человек тряхнул головой и резко сел на ступеньки крыльца.

– Никто не в силах помочь нам, ибо мы прокляты, – сказал он. – Прикоснусь к тебе, и проклятие падет и на тебя.

Ничего больше не добился от него Лука: затрещала, словно рассыпавшийся горох, барабанная дробь, и люди на площади начали шевелиться и прислушиваться.

– Вернемся на постоялый двор, – с дрожью в голосе прошептал Фрейзе. – Они вот-вот снова начнут.

– Боишься, что мы тоже к ним присоединимся? – спросил Лука. – Только потому, что кто-то бьет в барабан и терзает скрипку?

– Не знаю, – простонал Фрейзе. – И знать не хочу. Пойдем, Воробушек. Слишком велик риск, что они снова примутся за старое.

Лука согласно кивнул, и они направились к гостинице, как вдруг скрипач – маленькая тщедушная фигурка в разодранном плаще – выскочил, словно из-под земли, и преградил им дорогу. Прижав скрипку к подбородку, он широко улыбнулся, приподнял изодранную в клочья шляпу, откинул полы черного плаща, взмахнул смычком и ударил по струнам. Скрипка завывала – визгливо, предостерегающе.

– Господа, – вкрадчиво произнес музыкант. – Не желаете ли послушать премиленькую песенку?

– Пойдем! – Фрейзе вцепился в Луку и потащил его мимо скрипача к спасительным воротам постоянного двора.

Но – поздно. Загрохотал призывным стаккато настойчивый барабан, полились задорные, разухабистые звуки неунывающей скрипки, люди повскакали на ноги и бросились в омут танца.

– Быстрее! – завопил Фрейзе, до смерти напуганный тем, что ноги его принялись отбивать чечетку, а в голове все настойчивее и настойчивее зазвучали ритмы разудалой плясовой, такой знакомой и такой манящей. – Давай же!

Лука и Фрейзе, рука об руку, помчались к постоялому двору. Но закружившаяся в диком вихре толпа бросилась им наперерез. Луку схватили за руки, Фрейзе за пояс и потащили их в хоровод. Лука вырвался, ринулся к гостинице, и следом за ним, отпихнув навязчивого танцора, помчался Фрейзе.

Двери гостиницы распахнулись, и на площадь, словно воин из осажденного замка, выпрыгнула Изольда. Зажав уши и склонив низко голову, она решительно кинулась в самую гущу толпы навстречу Луке. Пояс ее крепко охватывала веревка, которую постепенно разматывала Ишрак. Плясуны, найдя новое развлечение, стервятниками налетели на нее. Они тербли и толкали ее из стороны в сторону, перебрасывая, словно мячик, но Изольда, с боем отвоевывая каждый шаг, упрямо двигалась к Луке.

А Луке и Фрейзе приходилось несладко: вездесущая улыбающаяся толпа обступила их плотным кольцом и затягивала в водоворот танца. Танцоры висели у них на руках, хватали и дергали, волочили за собой, но друзья, обнимая друг друга за плечи, пробивались вперед, к Изольде. Лука, озираясь на пустые, но сияющие глаза и хищные улыбки полонивших его мужчин и женщин, с ужасом чувствовал, как его медленно, но верно засасывает в танцевальную

пучину: ноги дрожали, музыка завораживала, сердце перестукивало в ритм барабанной трели, и неодолимое желание танцевать росло и крепло в нем с каждой секундой. Ему казалось, он идет ко дну, тонет, захлестнутый яростной волной прибое, и он, как утопающий за соломинку, мертвой хваткой впился в плечо Фрейзе.

– Фрейзе! Я больше не могу!

Фрейзе сграбастал Луку могучими ручищами, подталкивая его к Изольде, к спасительным воротам постоянного двора, и неожиданно проорал ему в лицо:

– Длина поля пятьсот футов, ширина – семьсот футов, какова площадь земельного участка в акрах?

– Чего? – захолопал глазами Лука. Даже танцоры застыли, сбитые с толку несообразным вопросом Фрейзе.

– Длина поля пятьсот футов, ширина – семьсот футов, какова площадь земельного участка в акрах? – во всю глотку завопил Фрейзе. – В арабских цифрах.

Лука задумчиво моргал, пока в голове его происходили вычисления. Ноги его перестали дрожать.

– Восемь целых три сотых, – ответил он.

– Хватай Изольду! – скомандовал Фрейзе.

Лука, очнувшись от колдовского забытья, протянул руки, Изольда стиснула их крепко-накрепко и рванула к себе. Фрейзе подтолкнул его в спину, брат Пьетро и Ишрак налегли на веревку, и они все втроем, спотыкаясь, доковыляли до гостиницы. На одно лишь мгновение распахнула хозяйка двери, и они ввалились в прихожую.

Изольда и Ишрак захолопнули двери, брат Пьетро задвинул тяжелый засов.

– Господь Всемогуший уберег меня, еще бы чуть-чуть, и мне бы несдобровать. – У Луки, бледного и растерянного, перехватило дыхание. – Господь да благословит тебя, Фрейзе. Если бы не ты, я бы сейчас танцевал да водил хороводы.

Подолом холщовой рубашки Фрейзе вытирал пот, градом катившийся по его лицу.

– Господь уберег нас обоих. Никогда прежде не испытывал я ничего подобного. Такое чувство, что ты начисто лишился воли, что ты сам не свой.

Но рокот барабана и ликующая музыка прорывались даже сквозь наглухо закрытые двери. Ноги Фрейзе начали отстукивать ритм. Юноша испуганно сжал руку Луки.

– Пойдем в заднюю комнату. Подальше от этого чертова барабана.

Изольда тоже взяла Луку за руку, и они, покачиваясь от усталости, вошли в зал таверны, выходящий окнами на конюшню. Запах навоза и прокисшего эля ударил им в нос. Два пожилых горожанина взглянули на них поверх пивных кубков, изогнутых в виде рога, и отвернулись.

– Итак, образование – ненадежный заступник? – У Изольды теснило в груди.

– И быть мужчиной недостаточно, чтобы не пуститься в пляс? – уточнила Ишрак.

Лука, хватая ртом воздух, помотал головой:

– Ни то, ни другое ничего не значат. Ты просто теряешь рассудок и самоуважение. Ноги заменяют тебе разум. И ничего с этим не поделаешь. Ты слышишь песню. И вроде бы ты не знаешь слов, но она кажется такой знакомой и сладостной. Она проникает тебе в уши, она льется из твоего горла, но в голове твоей пустота, и ты не понимаешь, что ты творишь. Ты будто одержим.

Лука обернулся к Фрейзе:

– Почему ты задал мне задачу? О площади участка? С чего вдруг тебе потребовалось его узнать?

– Я хотел вправить тебе мозги, – признался Фрейзе. – Хотел, чтобы ты взялся за ум, свой ясный, светлый ум и стал таким же, как прежде. Я не знал, слышишь ты меня или нет. Казалось, ты паришь где-то между небом и землей. Но я надеялся, что если заставить твой мозг работать...

– Ну-ка, ну-ка, – стала подзадоривать его Ишрак, – какую это задачку ты ему задал?

– Я спросил, какова площадь участка размером пятьсот на семьсот футов.

Кривая усмешка раздвинула губы Луки.

– Но почему именно эти числа?

– Такой участок у моего отца, – смутился Фрейзе. – Однажды нам пришлось в голову его продать. Но мы не знали, какова его площадь. Мы прошли вдоль и поперек изгороди, замеряя шаги, и узнали длину и ширину. Но сколько акров находится между ними, мы понятия не имели.

Ишрак склонила голову набок.

– Если длину поля умножить на его ширину, то получится площадь участка в квадратных футах. Останется только перевести квадратные футы в акры.

Фрейзе вытаращился на нее с неприкрытым восхищением.

– Вот это да. Ну и мастера они учить там, в мавританских университетах. Но была еще одна вещь, которую мы не знали.

Ишрак от души рассмеялась:

– И какая же?

– Сколько – как ты их там назвала, квадратных футов? – в акре. Да исходи мы шагами все поле, мы бы все равно этого не узнали.

Лука хмыкнул, стряхивая оцепенение, вызванное пережитым недавно кошмаром.

– Сорок три тысячи пятьсот шестьдесят, – сказал он. – В одном акре сорок три тысячи пятьсот шестьдесят квадратных футов. Если площадь, полученную в квадратных футах, разделить на это число, то мы получим площадь твоего участка в акрах.

– Век живи – век учись, – восхитилась Изольда. – Меня воспитывали наследницей величайших земельных угодий. Я всегда думала, что акр равен одному дню пахотных работ. Я даже не подозревала, что его можно измерять в квадратных футах. Фрейзе прав, в мавританских университетах преподают настоящие мастера. В Лукрегили мы знаем, что такое акр, но весьма приблизительно. Нам известно, что ферма занимает сотню ярдов, а виноградник двадцать, просто потому, что кто-то когда-то так сказал. Сами мы ничего не измеряем. Да и нужды в этом нет. Редко кто продает или покупает землю, ну а когда такое все же случается, никто ее не замеряет, все и так знают, что это за земли. Достаточно сказать, как называется поле или участок, и всем все сразу же становится понятно.

– Да-да, – согласился Фрейзе. – Но мы-то продавали землю чужаку. Заключение сделки с кем-нибудь из своих, никаких бы затруднений не возникло – все прекрасно знали, что такое Зеленое поле у ручья. Но чужаку потребовалась его площадь.

– Первыми эту формулу рассчитали греки, – сказала Ишрак. – Однако знание это было утеряно до тех пор, пока арабские философы не перевели труды греческих ученых. В мавританских университетах Испании мне все это преподавали. А где ты выучился считать площадь, Лука?

– Когда я стал послушником Ордена Тьмы, меня отправили учиться, – сухо пояснил Лука. – Образование мое длилось не один месяц, и я узнал много нового.

– Но что творилось там, на площади? – нетерпеливо прервал их брат Пьетро. – Какое мнение сложилось у тебя о танцорах, исследователь? Можно ли исцелить их, загадывая задачки наподобие той, что задал тебе Фрейзе? Можно ли отвлечь их от танцев? Что мне написать в отчете?

Брат Пьетро достал небольшой переносной письменный столик и приготовил чернильницу. Дождавшись, когда Лука, Фрейзе и дамы рассядутся по местам за обеденным, в пивных разводах, столом, он расстелил лист бумаги и обмакнул в чернила кончик гусиного пера.

– Поведай мне все, пока случившееся свежо в твоей памяти. Похоже это на одержимость бесами?

– Не знаю, – медленно произнес Лука. – Вроде похоже, но однозначно это утверждать я не могу. Все они – бедняки на грани отчаяния, никто не хочет возвращаться домой, где с ним творят ужасные вещи, но я не заметил никаких признаков отравления или укусов паука – ничего, что объяснило бы поразившее их безумие.

Лука посмотрел на Фрейзе, ища у того поддержки:

– Я ведь никаких укусов, ничего подобного ни у кого не обнаружил? Да и сами они не упоминали ни о бешеных собаках, ни о чем-то подобном.

Фрейзе согласно кивнул.

– Истории их жизней различны, – продолжал Лука, – если не считать безысходности их существования и неодолимого желания танцевать. Такое впечатление, что они готовы умереть танцуя.

– Первая женщина сказала, – добавил Фрейзе, – что мечтает танцевать до самой смерти. А другая девчушка, что хочет танцевать, как богиня.

– Они словно в трансе, – раздумчиво произнес Лука. – Мы уже такое видели, в аббатстве.

– Белладонна? – вскрикнула Изольда. – Но как такое возможно? Все они из разных деревень! Белладонна растет не везде, они не могли одурманиваться одной и той же травой.

– Может, источник дурмана – река? – предположил Лука. – Если все они прибыли из деревень, расположенных вдоль берега, то... Но, с другой стороны, почему недуг поразил только избранных, а не всех жителей?

– Ты заметил какие-нибудь знаки? – спросил брат Пьетро. Не отрывая пера от бумаги, он усердно конспектировал каждое слово. – Знаки одержимости?

Ишрак изумленно приподняла брови:

– Похоже, ты не сомневаешься в том, что они одержимы демонами. Ты и вправду в это веришь?

– О, если б видела ты, что видел я, ты бы не задавала подобных вопросов, – воскликнул писарь. – Я видел людей, одержимых бесами, я видел бесов, изгнанных из людей. То, что ты чего-то не видела, еще не означает, что этого не существует.

– Я не спорю, – согласилась Ишрак. – Но с той же вероятностью это может оказаться и не одержимостью.

– Не было никаких знаков, – задумчиво отозвался Лука. – По крайней мере, я их не видел. А ты, Фрейзе?

– Ничегошеньки подобного. Я видел одно: все они валились с ног от усталости и глаза у них были, как у рыб.

Перо клирика зависло в воздухе. Брат Пьетро кротко вздохнул: порой непросто разобравшись, что Фрейзе имеет в виду. Он ведь неученый, что с него взять.

– Глаза как у рыб? – переспросил Пьетро. – Что ты имеешь в виду?

– Он прав, прав, – встрепенулся Лука. – Глаза у них мертвые, замороженные: ни проблеска мысли, ни искры интереса, жизни.

Рассеянным взглядом он скользнул по сосредоточенному лицу Ишрак.

– У некоторых людей по глазам видно, о чем они думают; когда им в голову приходит светлая мысль, глаза их озаряет сияние, когда мысли их тяжелы, то темнеет и их взгляд. Но глаза танцоров бессмысленны и пусты. Фрейзе прав. У них глаза, как у рыб.

– У тебя они такие же были, Воробушек, – поежился от воспоминаний Фрейзе. – Твой взгляд не выражал ничего, пока я не задал тебе задачу и ты не вернулся в человеческий облик.

Один из стариков, сидевших в углу комнаты и прислушивавшихся к их разговору, хрипло рассмеялся.

– Все верно, парнишка, – вальяжно обратился он к Луке. – Перед тем как уйти, они стоят и пялятся на тебя стеклянными глазами. Когда заявились танцоры, я потерял и жену, и сына:

они глазели на меня, словно парочка карпов, которых выловили из пруда и, проткнув жабры, повесили на леске – ни любви тебе, ни ласки.

– Он вам не парнишка, – поправил его Фрейзе. – Он исследователь, назначенный самим папой римским. Называйте его «сэром».

– Да называйте его как угодно, мне до того дела нет, – пренебрежительно ответил мужчина. – Но про рыбы глаза он верно заметил. Так своему папе и передай. От меня лично.

Фрейзе начал закипать, столь наглое неуважение к его хозяину требовалось пресечь на корню, но Лука осадил его:

– Пусть говорит, что хочет.

– Значит, твоя жена и сын ушли вместе с танцорами? Теми, которые сейчас в городе? – уточнил брат Пьетро.

– Не с этими, с другими. То были другие. Они пришли в наши края три года назад точно так же. Дня два они у нас пробыли или даже три, а потом мы вытурили их из города. Но они забрали моего сына, такого сына больше ни у кого не было, чудесный мальчуган, любимец всего города. Я хотел, чтобы он стал клириком, хотел отдать его в церковь, он был такой уменьшечный, такой смысленный. Потом уж мне рассказали, что он танцевал, пока не стер ноги в кровь. Пошло заражение, он занемог, с танцами было покончено. Они оставили его на пороге церкви, сказали, покойся с миром, но он метался, как в жару, и взмахивал руками, пока наконец не умер. Загубили его жизнь почему зря. Я так думаю, танцоры эти – исчадия ада. Они все одержимы дьяволом. Скажите папе римскому, чтобы он остановил их. Они крадут наших юношей и девушек, затанцовывают их до смерти. Папа римский должен положить этому конец.

– Вы знаете, почему они пускаются в пляс? – спросил Лука.

Мужчина пожал плечами.

– Похоже, они просто сходят с ума, все разом. Почему блажь лезет в голову? Почему прилетают по весне аисты, сбившись в стаю? Не потому, что об этом думают, а просто что-то толкает их друг к другу.

– Но разве лорд Варгартен не может остановить их?

– Если б он знал, что они здесь, он бы их вытолкнул прочь, – ответил пожилой горожанин. – Беда в том, что никто не осмеливается выйти из дома, добраться до замка и оповестить его. Все мы боимся и нос на улицу высунуть, перебегаем из дома в дом, только когда танцоры утомляются или заснут. Пойдите и расскажите лорду, что танцоры снова в городе, страшат народ, воруют детей. Пойдите и расскажите ему все, раз уж вы такие смелые и не боитесь пересечь площадь и проделать весь путь до замка. Если сам папа прислал вас сюда, то Господь сохранит вас в пути. Пойдите и расскажите лорду Варгартену, что танцоры вновь заявили к нам и нам нужна помощь. Пусть он выгонит их из города, как бешеных псов.

– Где замок лорда?

– В десяти милях к северу. Не заблудитесь. Выходите из северных ворот и напрямик.

– Я пойду, – сказал Лука брату Пьетро. – Подожду, когда танцоры улягутся, и тронусь в путь, пока не рассвело.

– Я с тобой, – отозвался писарь. – Доберемся до замка и узнаем, намеревается ли лорд избавиться от танцоров и каковы его планы. Да и отчет можно отправить с одним из его слуг. Я так понимаю, танцоры глухи к молитвам?

– Один из них сказал, что однажды его привели в церковь, прямо к алтарю, но никакого проку не вышло, – вспомнил Лука, и брат Пьетро схватился за перо. – Святую воду лили ему на голову, но он продолжал танцевать. Грех прочно укоренился в их душах. Это похоже на безумие, но безумие, которое передается от одного к другому. Чума, которую подхватываешь, лишь только коснешься зараженного.

– Я тоже поеду с тобой, – заявил Фрейзе. – Незаметно выберемся из конюшни и стремглав промчимся через площадь, чтобы они не успели нас поймать. Действовать необходимо сообща. Первым поеду я на Руфино. Нельзя будет терять ни минуты.

– Вы справитесь одни? – Лука обернулся к Изольде и Ишрак. – Мы отбудем на рассвете, пока не взошло солнце, и вернемся в полдень.

– Конечно, справимся, – заверила его Ишрак.

– Закройте дверь и не выходите из комнаты. Мы скоро вернемся.

– С нами все будет в порядке, – успокоила его Изольда.

Ишрак кивнула.

– Я запру дверь и буду настороже. Наша спальня выходит на огород и сад. Музыка туда не долетает.

– Если все-таки долетит, заткните уши, – посоветовал Фрейзе. – Особенно коварна барабанная дробь. Только услышишь ее, так сразу и тянет ногами дрыгать. И кажется, что ничего страшного, ты просто решил немного развеяться и повеселиться. Кажется, что ты сам этого хочешь, никто тебя не заставляет.

– Ничего веселого в этом не вижу, – возразила Изольда. – По-моему, это все чудовищно. Никакой барабан не вынудит меня танцевать. Я скорее голову под подушку засуну.

– До нашего возвращения никому не открывайте, – приказал Лука. – Мы постараемся управиться поскорее.

Он встретился взглядом с Изольдой и пообещал – ей, одной:

– Я обернусь быстрее ветра. Я не подведу тебя.

Не успела заняться заря, и луна еще проглядывала сквозь тонкую пелену дождя, когда Лука растолкал товарищей. И хотя утро было зябкое, а на душе его скребли кошки, увидев Фрейзе, Лука рассмеялся – заткнув уши двумя скрученными полосками ткани, тот обвязал голову льняной тряпицей и выглядел как человек, страдающий от зубной боли.

– Да они спят без задних ног! – Лука растворил скрипучие ставни и выглянул на улицу, где в блаженной тишине лежали в забытии утомленные танцоры. – По-моему, ты перестраховываешься.

– Береженого Бог бережет, – заметил Фрейзе, взял седла и вышел через заднюю дверь.

Светало, в неверном свете влажно поблескивали булыжники. Фрейзе пересек двор и вошел в конюшню. Чья-то тень промелькнула в фуражной.

– Так-так-так, – пробормотал Фрейзе. – И ты здесь, в этом окаянном городе? Все никак от нас не отвяжешься? Сиди тихо. Не высывайся. Ступай своей дорогой. На кой я тебе сдался? Зачем ты преследуешь нас, когда наша участь – колесить по всему свету от одного жуткого места к другому и искать знамения грядущего конца света?

Он вперил глаза в темноту: бледный ребенок, похоже, мальчик, шарахнулся в сторону и исчез.

– Ступай своей дорогой, и да благословит тебя Господь, – шепнул Фрейзе и тряхнул головой. – Нам и без тебя, горемыки, хлопот хватает.

Немного помолчав, но так и не дождавшись ответа, он снова обратился в черноту фуражной:

– По правде говоря, я понятия не имею, кто ты или что. Но если ты благодарен мне, потому что я спас тебя из стеклянного колпака у алхимиков, то брось. Я хочу, чтобы ты ушел. Убрался подобру-поздорову. Иди, уходи с миром. У нас и так забот полон рот, мне совершенно не до тебя. И, если уж начистоту, пожелай я завести питомца, я бы завел кого-нибудь посимпатичней.

Из фуражной не доносилось ни звука. Фрейзе завершил монолог и вывел лошадей во двор, где их оседлали Лука и брат Пьетро. Лука поднял взгляд на окно девичьей комнаты,

выглядывавшее из кроны фруктовых деревьев. В окне виднелось бледное лицо Изольды. Он помахал ей, улыбнулся ободряющему кивку Ишрак, стоявшей возле подруги. Дверь их комнаты заперта, ставни они закроют позже и до его возвращения будут в полной безопасности, промелькнуло у него в голове. Он может спокойно отправляться в замок за помощью.

Лука, брат Пьетро и Фрейзе, словно на скачках, выстроили лошадей в линию у задней стены двора. Лошади горячились, закусывали удила, но всадники пока не давали им воли и крепко держали в узде. Конюший и хозяйка подошли к двустворчатым воротам, по кивку Луки распахнули их настежь, и всадники, плечом к плечу, ослабив поводья, вылетели на площадь, пустив коней в неуправляемый галоп. Кто-то из танцоров вскочил, закричал, призывая их вернуться, но друзья скрылись из виду прежде, чем их успели окружить. Фрейзе, вцепившись в гриву Руфино, оглянулся назад – ворота постоянного двора захлопнулись.

– Надеюсь, мы вернемся с великим войском, – обратился он к брату Пьетро. – Надеюсь, замок лорда – это неприступная крепость.

Брат Пьетро кивнул, и все трое проскакали под сводчатыми городскими воротами, и заспанный стражник прокричал им вдогонку, чтобы они поторопились и привели, не медля, помощь. Когда небо очистилось и засияло солнце, они во весь дух мчали по петляющей извилистой дороге на север, к замку.

Караул замка мирно дремал тем ранним утром. Никто не ожидал нападения: в стране царил мир, и хотя на больших дорогах лютовали до зубов вооруженные разбойники и лиходеи, обиравшие до нитки простых путников, штурмовать замок или обижать подвластных лорду Варгартену людей никто не осмеливался. Только когда Лука, Фрейзе и брат Пьетро подъехали к самым воротам, дозорный на зубчатой стене поднял тревогу, и четверо заспанных стражей, путаясь в наспех накинутой одежде, выбежали из караульного помещения, открыли квадратное зарешеченное окошко и приказали им остановиться.

Фрейзе сказал, кто они. Солдаты тотчас подняли громадное бревно, служащее засовом, со скрипом распахнули ворота, и капитан провел всадников на крепостной двор.

Замок был великолепен. Отдельно от него возвышалась круглая башня с широким квадратным основанием, вокруг которой теснились, окруженные крепостной стеной, обычные деревенские домики. В самом центре двора, среди яблонь и груш, находился глубокий колодец. В саду копошились куры, корова с телятком щипали траву, в загоне, позади домов, рылась в навозе свинья. Когда Фрейзе, Лука и брат Пьетро спешили, из конюшни выбежал мальчик, зевая, взял коней под уздцы и увел в стойла.

Двустворчатые двери замка раскрылись, и лорд Варгартен в подбитом мехом халате величественно сошел со ступеней крыльца. Жена его, в плаще, накинутом на ночную рубашку, с выбивающимися из-под капюшона распущенными волосами, следовала за ним.

– Приветствую вас, незнакомцы, – совершенно неприветливо проговорил лорд Варгартен. – Хотя прибыли вы очень рано.

Он запнулся, уставился на Луку: никогда прежде не доводилось ему встречать в этих краях столь пригожего юноши – черноволосого, с ясным взором, идеальными чертами лица, достойными резца итальянских скульпторов.

– Спасибо, и простите нас за столь раннее вторжение, – извинился Лука. – Но смертельная опасность нависла над Маутхаузенем.

Лорд Варгартен обвел взглядом компаньонов Луки – сильного Фрейзе и молчаливого брата Пьетро.

– Что там случилось? И кто вы, в конце концов?

Лука приблизился к подножию лестницы. Голос его звучал тихо, но настойчиво:

– В вашем городе объявились танцоры. С каждым днем их становится все больше, и они все больше самовольничают. Над жителями нависла беда.

– Ну а вы-то кто такие?

– Я исследователь, назначенный папой римским. Меня отправили в мир, чтобы я искал знамения конца света, истолковывал их, выявлял причины их возникновения. Это – брат Пьетро, наш писарь, а это – мой друг и слуга Фрейзе.

– Главный фактотум. – Фрейзе согнулся в поклоне перед леди Варгартен.

Лорд Варгартен спустился по лестнице, протянул руку Луке и удостоил Фрейзе и брата Пьетро легким кивком.

– Сколько танцоров в городе? – отрывисто спросил он.

– Человек тридцать, но число их постоянно растет. Они набрасываются на людей, вовлекают их в танцы и, кажется, стремятся заразить как можно больше народу. Они до невозможного назойливы. Они попрошайничают, сыплют угрозами.

– Ты видел их своими собственными глазами?

– Они пытались завладеть мной. С величайшим трудом сбросил я танцевальные путы. Если бы не мои друзья, которые вернули мне разум и вырвали меня из объятий безумия, я бы не нашел сил сопротивляться. Танцоры – настоящее бедствие и для твоего города, и для жителей, твоих арендаторов.

Лорд кивнул:

– С подобной напастью мы уже сталкивались. Что ты предлагаешь?

– Полагаю, их надобно изгнать из города. Они говорят, что уйдут, если им дадут пищи или денег. Но вначале я бы хотел попытаться отслужить мессу, побудить их души к молитве, помочь им вырваться из сетей танцевальной чумы. Но без вас мне не справиться. Вам нужно заставить их стоять смирно и тихо во время мессы. Горожане требуют избавиться от них.

– Ты желаешь излечить их? Думаешь, это в твоих силах? – гневно вскричала леди Варгартен. Она встала рядом с мужем, в темных глазах ее полыхал огонь, бледные щеки рдели жаром.

– Я попробую. Я бы хотел понять, что происходит.

Она яростно тряхнула головой.

– Они вырвутся из сетей лишь тогда, когда дьявол отпустит их души на смерть. Когда он завладевает душами людей, тогда они пускаются в пляс. Когда он увлекает их в ритме танца, ничто не в силах противостоять ему. Никто не в силах ему сопротивляться. Слабы они, и дьявол пожирает свою жатву.

– Думаете, они одержимы? – встрепенулся брат Пьетро.

– Моя жена потеряла сестру. Ее увели танцоры, – пояснил лорд Варгартен. – В прошлый раз.

– Она была совсем ребенком! – гневно выкрикнула леди Варгартен. – Но какой ребенок устоит перед флейтистом, наигрывающим чудесные мелодии? Этот чародей явился невесть откуда и увел за собой всех детей из деревни: они убежали за ним, танцуя, да так и не вернулись домой. Умчалась с ними и моя сестра. И этим людям ты сострадаешь? Над ними будешь творить молитвы? Да разорвать их на части и бросить подыхать.

– Куда он увел их? – спросил Фрейзе.

– Говорят, гора расступилась, и они протанцевали внутрь, в волшебную страну, которую пообещал им флейтист. Куда они ушли? Кто увел их и зачем? Что этому проходимцу потребовалось от десятка ребятишек? Кто знает... Как бы там ни было, а детей мы больше не видели. Нигде не смогли отыскать их следов, хотя искали по всем направлениям.

Брат Пьетро перекрестился.

– Месса, экзорцизм – все это напрасная трата времени, – с чувством проговорила она, глядя на Луку. – Есть лишь одно средство, которое может справиться с этой чумой...

Лорд Варгартен сделал предупреждающий жест, словно желая остановить ее.

– И какое же это средство, ваша милость? – спросил Лука.

– Утопить их. Если души их прибрал дьявол, то пусть он и заботится о них: течение подхватит их тела и унесет прочь, и ты избавишь город от этой заразы.

– Но если они невинны, – возразил Лука, – если это временное помешательство, тогда они умрут во грехе, и убиенные души их будут взывать к моей совести.

Леди только дернула плечами.

– Сумасшедшим не место среди живых. Кому до них какое дело? Исповедуешься, и совесть твоя снова чиста, как у палача, казнившего ведьму. Зато они будут мертвее мертвых и исчезнут из нашей жизни. Да и какие они люди? Они – моровая язва.

Большинство людей, не задумываясь, согласились бы с ней. Однако у Луки имелись собственные представления о том, что такое справедливость и сострадание, поэтому он лишь скользнул взглядом по ее суровому прекрасному лицу и ничего не ответил.

– Мерзкие твари, вот кто они, – прошипела она. – Они не такие, как мы. А не таким, как мы, незачем жить среди нас. Пусть держатся от нас подальше. Они уничтожают все, к чему прикасаются. Самое лучшее, если их просто...

– Просто что? – подхватил брат Пьетро.

– Несо, – ответила она по-латыни. Видимо, латинское несо, означавшее «замучить до смерти, умертвить», звучало благообразнее простого «убить» на ее родном языке. А может, она надеялась, что стоит ей только произнести что-то на латыни, как танцоры, словно по мановению волшебной палочки, улетучатся из Маутхаузена и владения лорда Варгартена превратятся в самое прекрасное место на свете. Как будто людей можно взять и заставить исчезнуть, превратив их в струйку дыма, как будто их можно сжечь, словно поленья, развеяв пепел по ветру, как будто их можно вымыть из города приливной волной.

– Поеду-ка я с вами, – сказал лорд. – Вышибем их из Маутхаузена. Не желаю видеть их на своих землях.

– Хотелось бы вернуть их по домам, – заметил брат Пьетро. – Как только мы вышибем их из одного города, они отправятся в другой, и число их будет только множиться.

– Другие города меня не волнуют, – отрезал лорд Варгартен.

– Зато они волнуют нас, – сказал Лука. – Мы сделаем все возможное, чтобы излечить этих несчастных от безумия. Мы в ответе за них. Они такие же люди, как мы.

– Нет, не такие же, – резко возразила леди Варгартен. – Да как же ты не понимаешь? Они как евреи, египтяне, неверные или иноземные пришельцы. Как оттоманы, мусульмане. Они живут вдали от нас и совершенно на нас не похожи. Они не такие же люди, как мы! Они – другие. И обращаться с ними надо соответствующе. Раз они чужие, значит, они – враги.

Лорд Варгартен сделал знак капитану стражи, и тот поспешил в караульную. Загудел колокол, и из башенок на крепостной стене, из хибарок возле замка и из самого замка посыпались люди: кто-то был грязный, кто-то жевал схваченный впопыхах ломоть хлеба, кто-то был статный и готовый к несению службы. Все они собрались в караульной возле конюшни и томились там в ожидании приказа. Начальник арсенала начал выдавать пики и мечи; стражники, выстроившись в ряд, принимали из его рук оружие, подпоясывали кожаные куртки.

– Пока воины готовятся, не желаете ли разделить с нами трапезу? – спросил лорд Варгартен. – Они скоро управятся, но еще надо оседлать лошадей и раздать оружие.

– Благодарю, – поклонился Лука, а Фрейзе заметно приободрился при мысли о завтраке.

– Прошу.

Трое мужчин поднялись вслед за лордом и его женой по лестнице и очутились в замке, в необъятных размеров зале, под сводами которой, на высоте примерно двух этажей, были вырезаны проемы: сквозь них влетали и вылетали птицы и носились юркие ласточки, высматривающие между черных громадин-балок подходящее место для гнезд. В центре залы, словно исполинское бивачное кострище, располагался камин, огороженный по кругу камнями; в нем до сих пор тлели не прогоревшие за ночь дрова. На полу, выложенном плитами, разлеглась

свора гончих; двенадцать собак вскинули остроконечные морды и вразнобой застучали по полу хвостами, приветствуя лорда и его леди.

Лорд Варгартен отдал приказ выскочившему из кухни прислужнику, и тот кинулся к обширным стеллажам, высившимся позади длинного стола и заменявшим собой винный погребок. Обнеся всех легким пивом, он выскользнул из залы, спустился по лестнице и потрусил через лужайку к пекарне, чтобы вскоре вернуться с корзинкой, полной рогаликов.

Из двери, спрятанной в недрах холла, вынырнул поваренок, держа поднос с мясом, и гости, усевшись во главе стола, славно позавтракали вместе с хозяевами. Закончив трапезу, лорд Варгартен отправился за стеганой курткой и шлемом, а заодно решил проверить, оседлана ли его лошадь. Леди Варгартен, восседая в кресле с высокой спинкой, величественном, как трон, скользнула по Луке оценивающим взглядом.

– Избавься от них, – заговорщицки сказала она ему. – Пока у тебя есть такая возможность. Отгони их к реке и утопи, как бешеных собак. Разве бешеный пес стоит твоей жалости? Утопи их.

Внезапно пища показалась Луке до того безвкусной, что он вскочил на ноги, поклонился госпоже замка и вышел на залитый солнцем крепостной двор.

* * *

А Изольда и Ишрак тем временем осмелились сойти вниз, в таверну, из окон которой виднелась конюшня. Время от времени кто-нибудь из горожан проскальзывал внутрь, приподнимал шляпу и сообщал, что танцоры утихомирились, барабан и докучливая скрипка умолкли, и молодые дамы могут безбоязненно выйти прогуляться по площади. В минуты подобного затишья открывались магазины, священник вел службу, жизнь в городе входила в повседневное русло, и все делали вид, что город не захвачен ордой безумных танцоров.

– Я бы сходила к мессе, – мечтательно протянула Изольда. – Церковь – только площадь перейти.

– Лучше оставаться внутри, – заметила Ишрак.

– Я бы вам не советовал, – прервал ее какой-то мужчина. – Оставайтесь лучше здесь, в четырех стенах. Целее будете. Вас бы тянуло на улицу, если бы там, допустим, свирепствовала чума? Разумеется, нет, если в вас, конечно, есть хотя бы крупица здравого смысла.

Входная дверь вздрогнула от стука. Хозяйка глянула в глазок, восторженно взвизгнула и отворила тяжелый засов. В таверну, сгибаясь под тяжестью увесистого тюка, вошел бродячий торговец.

– Куда подевался рынок? – возмутился он, сбрасывая поклажу. – Прихожу я сегодня товар показать, и – ни единого лотка на обычном месте, ни единой души на набережной. Стучишь в дверь – никто не открывает. Где все?

– Не до рынков теперь нам, – строго ответила хозяйка, – пока у нас тут плясуны хоровают. Ничего не покупают, ничего не продают, знай головы морочат честным людям. Вот и барышни эти сидят взаперти, боятся, что их заставят танцевать. А что ты продаешь? Что тебе принести выпить, поесть?

– Кружку эля и чего-нибудь перекусить.

Торговец, невысокий, ростом с Изольду, худощавый человек, очень загорелый, с серебряной круглой серьгой, по-пиратски болтающейся в ухе, темными волосами, забранными в хвостик, и морщинистым лицом, растянутым в беспрестанную улыбку, прислонил разбухший от товара куль к ножке стола и придвинул себе стул.

– Что, барышни, посадили вас под замок? – сочувственно кивнул он Изольде и Ишрак. – Такая потеха, что только ноги уноси?

– Я бы не назвала это потехой, – ответила Ишрак. – Эти люди танцуют, словно во сне, в тягучем кошмарном сне. Веселого в них мало.

– Наверное, ты права, – согласился торговец. – Однажды я такое уже видел, в Италии. Юноша схватил флейту и давай вытанцовывать. А за ним и вся его семья. И где бы он ни показывался, к нему обязательно присоединялся кто-нибудь еще.

– И что с ним случилось? – спросила Изольда.

– Танцевал, танцевал, да и умер, бедняга, – вздохнул торговец. – Рассказывали, что его укусил тарантул, оттого и танец, который он отплясывал, назвали тарантеллой. Да поможет им Бог, и да найдут они прибежище от самих себя. Знаете, иногда люди просто не могут остановиться. Услышит какая-нибудь девчонка веселую джигу и – пиши пропало.

Хозяйка поставила перед ним большую оловянную кружку с элем, а он кивнул ей на грифельную доску, чтобы она нацарапала, сколько с него причитается.

– И да поможет нам Бог. – Торговец сделал большой глоток эля. – А вы издалека пришли? Далеко идете? Вперед и – с танцами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.